

Дмитрий Честный

ОГОНЬ!

Повесть

ERWACHE!

118г.

* * *

Ты живёшь или спишь? Если считаешь, что не спишь, то ты должен сразу ответить на вопрос, в чём смысл твоей жизни. Ведь как во сне нет чёткой цели, и невероятная прихоть сновидения может помещать тебя в совершенно не зависящие от твоих воли и желания ситуации, так и наяву люди спят без смысла, и судьба подкидывает им не менее неожиданные сюрпризы. Так в чём смысл твоей жизни? Надеюсь, ты ответил правильно, ведь так хочется, чтобы пробудилось как можно больше людей.

Смысл – это борьба. Смерть или жизнь? На этом построено всё в этом мире, в том числе и наше существование.

Человек отличается от животных наличием разума. Разум – это результат борьбы души и тела. Именно их попытки выяснить, кто же сильнее, постоянные компромиссы, условности, комплексы, появившиеся в процессе их борьбы, именно они составляют аккуратную логическую структуру рационального разума. Разум – это инструмент познания душой материального мира, он также позволяет человеческому телу принимать выгодные для него в системе человеческих тел – социуме позиции, несмотря на возможные протесты души. Человек делает свой разум не столько сам, сколько ему его делает система. Система, как телесное сверхпостроение, делает разум аналогичной системой преобладания телесных потребностей над потребностями души. Борьбы уже нет. Смысла нет. Система усыпила людей, поэтому мы и говорим: пробуждайтесь! Смерть системе! Делай свой разум сам!

Истинно свободный человек не признаёт требований системы. Он стоит над телесным, сильный духом! Потому что он прекрасно осознаёт, что такое тело и что такое душа, в то время как наиболее глубоко сидящие в системе либо вообще не знают, что такое душа, либо являются пацифистскими приверженцами духовного благочестивого образа жизни, не осознавая сути тела. Тем, кто не пробудился, надо понять, что такое тело и что такое душа.

Тело – это то, что существует в материальном мире. Оно может быть и без души. Тело когда-то сгниёт и не останется от него ничего, как будто его и не было. Оно было создано для того, чтобы душа вошла на время в материальный мир. Оно либо инструмент души, либо сон души, но в любом случае это тюрьма души, так как никуда от него не деться. Твоё тело – это ты, воплощённый в материальном мире.

Материальный мир образовался после первовзрыва, который был результатом разделения Абсолюта на пространство и время. Взрыв возмутил абсолютный дух. Пространство и время, будучи разделёнными, находились в состоянии противоположности, борьбы, как плюс и минус, которые невозможны друг без друга, и энергия от этой борьбы образовала мельчайшие частицы, складывающиеся в атомы и молекулы. Так и появился материальный мир, протекающий в условиях пространства и времени. Он был накинута сетью дурного кошмара на абсолютное спокойствие души, распространяясь всё далее, ввергая душу в хаос и ужас, заставляя её изучать этот мир и создавать разум.

Куски души, нарезанной Демидургом, создателем материального мира, нашим врагом, попадают в этот мир в разных представлениях, порой наделённые

каким-то ярким качеством, позволяющим им заявить о себе в этом мире. Так, например, животные являются проявленными качествами, что находит отражение в их облике и повадках. Отдельное качество – соответствующий облик.

Человек произошёл не от обезьяны, а после неё. Именно тогда, когда разум был готов, чтобы душа могла войти в этот мир осознанно. Чтобы разобраться в нём и победить. Я же говорю: смысл в борьбе. И человек боролся, развивался, побеждал, с ясным осознанием цели, до тех пор, пока смысл не был подменён, забыт, утерян. Подмену смысла производит система, второй враг, которого надо побороть. А первый враг – это та система, которая внутри тебя, которая делает тебя пленником тела.

Что такое система? В результате чего она появилась? Что произошло в жизни людей с тех пор, когда первые люди появились в этом мире? Представь мысленно этих людей и увидь, что связывает тебя с ними. Это КРОВЬ! Общая кровь, текущая в жилах поколений, которые сменяются словно листья на дереве – народе. Именно в крови душа, одна общая душа на весь народ, накапливающая от поколения к поколению опыт и силу, если не повержена в сон. По сути, весь наш народ – это один человек, поэтому мы так похожи.

Невозможно не заметить, что есть и другие существа, внешне очень напоминающие людей, но существенно отличающиеся по ряду характеристик, особенно заметных при рассмотрении не столько внешних, сколько внутренних, духовных качеств. Всё говорит о том, что душа у них другая. Каждая раса имеет свою душу, каждая душа – свою расу! Поэтому можно говорить о целой расе, как об одном человеке, типичном её представителе, что обычно и делается в анекдотах типа «встретились как-то Русский, грузин и негр и давай хуями меряться...»

Белый человек жил в наиболее суровых условиях намеренно, чтобы в поисках способов выживания тренировался разум, и он доказывал это не только поборов воздействие на себя внешних условий, но и создавая произведения искусства, являющиеся невербальным выражением переживаний души, двигая научно-технический прогресс, отражающий этапы освоения мира творческой душой.

Негры не сделали ничего значимого. Они живут в таких условиях, где тело может выжить, обладая разумом животного. Всё, что они делают, является лишь имитацией, подражанием Белому человеку, включая и речь, которую они произносят как попугай, научившись лишь понимать, когда что надо отвечать. Да, на это они способны. Но темы, затрагивающие вопросы души, вынуждают их глупо улыбаться и говорить примитивные банальные фразы. Негр – ужасный результат смешивания крови Человека и животного, это зверочеловек, первая попытка материального мира ответить на появление в нём Человека Разумного, то есть Белого.

Негры были рабами, потому что они лишены потребности в свободе. Свобода нужна только настоящей сильной душе. Очевидно, что у некоторых животных, например у волка, душа намного сильнее, чем у негра.

Жёлтый – это усложнённый вариант зверочеловека, результат очередного смешивания кровей. Ещё более искусно, чем негр, имитирует Человека, заявляя о своём собственном мировоззрении, которое – лишь облачённая в экзотическую форму система логических заключений, надёрганных из сокровищницы знаний Белого человека, по принципу что больше понравилось. Так и получилась у них система равновесия души и тела, не допускающая преобладания одного над другим, что и отражено в значке инь-ян, они намеренно отказались от борьбы души и тела, потому что в их-то жизни этого смысла и нет. В них нет той крови, что несёт идею борьбы!

Жид – это не зверочеловек, а античеловек. Последний солдат Демиурга, рьяно жаждущий полной победы телесного мира над духовным и смерти Белого человека. Жиды и цыгане – два братских народа, вышедшие из расовой клоаки населения планеты, где были собраны изгнанные из государств уроды, преступники, ублюдки, асоциальные элементы, вырожденные и опустившиеся. Вся эта клоака кочевала с места на место, вскоре перемешала кровь до однородной консистенции, образовав новые народы, один из которых – цыгане – и до сих пор кочует и занимается преступлениями, а другой – жиды – за счёт природной хитрости, способности к обману и украденных у Белого человека интеллектуальных достижений, приложил все усилия к установлению системы.

Система – это обман. Сначала обманщик входит в расположение к влиятельным людям, и если получается склонить слабовольных из них на свою сторону, начинает через них обманывать весь народ. Сначала подтачиваются нравственные устои, в результате чего жизнь перестаёт соответствовать принципам исконной религии, то есть изложенного в определённой форме смысла. Затем преподносится новая религия, навязываемая порой с фанатизмом и жестокостью. Затем, когда религия не справляется уже с натиском разума, преподносятся политические учения. Когда разум выдвигает своё единственно верное политическое учение, которое снова определяет смысл, в ход идут опять старые методы: обман и разложение нравственности. Но теперь всё это делается гораздо более изощрённо и эффективно, враг использует украденные у Белого человека научные наработки. Пропагандируется образ жизни представителя той самой расовой клоаки, из которой вышли жиды, включая и главный грех – смешение крови различных рас.

Вспомни, что ты лишь частичка одного Белого человека, листик на дереве, одна клетка. Рядом с тобой другие клетки. Многие из них сейчас поражены болезнью. Белый человек слабеет и умирает, потому что большинство его клеток отказались бороться за жизнь. Они спят. Они в системе. Поэтому долг каждой здоровой клетки – приложить все усилия, чтобы вылечить другие клетки. Бороться и разжигать борьбу! Бороться изо всех сил! Вылечивая их спасаешь и себя, ведь если Белый человек умрёт, не выживет ни одна клетка. Тогда зачем, получается, весь народ жил, развивался, страдал и радовался? На хуя всё это? Чтобы материальный мир победил окончательно? Чтобы наши души вечно горели в телесном аду, заключённые в обезображенные расовым смешением оболочки, не в силах разглядеть свет Абсолюта, и полностью подчинившись Демиургу? Проиграть? НЕТ!

Сделай свой выбор: погибнуть или вступить в борьбу за выздоровление! Вступить в борьбу с ясным сознанием и сильной волей – вот долг каждого Белого человека, который будет в состоянии пробудиться.

Первым делом посмотри на себя со стороны. Просто останься один на вечер, желательно в темноте, отбрось все столь занимающие тебя бытовые мысли и подумай: кто ты в этом мире, какое реально место ты занимаешь, чего ты добился и чего собираешься добиться, как ты это сделаешь, не живёшь ли ты своими иллюзиями, насколько сильно ты подчинён системе, и вообще, в чём смысл твоей жизни? Это если ты ещё не научился думать. А если научился – значит система сделала своё дело, разум спит. И пробудить тебя сможет лишь очень сильное переживание, шок, например пережитый террористический акт.

Если ты ответил на поставленные вопросы с ясным осознанием их глубины, значит ты нашёл себя в этом мире. Значит ты знаешь, как выйти из этой тюрьмы, стать свободным. Значит ты живёшь не только для себя, понимая, что жизнь мелкими эгоистичными интересами – это сон, она ничтожна в масштабах жизни вселенной и даже человечества, абсолютный ноль!

Я надеюсь, что ты живёшь, а не спишь. Живёшь, зная, что только национал-социалисты говорят правду, а все остальные подменяют смысл, делая из людей быдло. Живёшь и борешься! Против своих слабостей, против системы, против обмана, против современного мира!

За национал-социализм!

* * *

Я обернулся вокруг себя и снова увидел свастику, внутри которой я нахожусь. Как и год назад, когда я впервые обнаружил это место. Точнее, это было более года назад, ведь тогда был август, а сейчас октябрь. Я и пришёл сюда в надежде испытать такие же переживания, как тогда, прошлым летом, но сейчас погода что-то не создаёт нужного настроения.

Конец августа прошлого года был тёплый и умеренно ветренный. Всё ещё было зелено, лишь редкие листья уже облетали с тополей, шурша потом по пыльной дороге. Приятное солнце делало цвета ещё более насыщенными, представляя пейзажи необычайной красоты. Поля, берёзовые рощи, холмы и речки, безусловно именно эти среднерусские ландшафты единственно близки моему сердцу, в отличие от всех прочих, сколь бы красивы они ни были. Я шёл в глубоко позитивном настроении, казалось, что я навсегда вышел из тотального депресняка, казалось, что работа и личная жизнь меня устраивают, казалось, что вот, наконец-то я разглядел систему полностью, казалось, что систему победить легко. Я просто шёл и улыбался, по подсохшей грунтовой дороге, порывистые ветры закидывали в уши обрывки звуков из оставшейся позади деревни, и я почти видел, как сказанное тихим голосом слово подхватывается ветром, летит над полем, и вот я ловлю ухом именно его. Всякие фразы, крики всех домашних животных, стуки, гудки, тархтения и скрежеты, всё это долетало до меня перемешанное в причудливый коллаж, при этом я отошёл от деревни уже на километр.

Тогда я остановился, просто чтобы послушать. И именно на этом месте, ухватив взглядом какой-то заверчивающий момент на поле, я проследил его взглядом и в результате обернулся вокруг себя. Возвышенность позволяла видеть на много километров вдаль. Да, я обернулся ещё раз, и ещё. И убедился, что нахожусь внутри громаднейшей свастики, контуры которой обозначены границами полей, просёлочными дорогами и тропами, берёзовыми рощами и тополиными посадками, холмами и оврагами. Проследив взглядом центр, я увидел жёлтое поле с уже убранной пшеницей, это было самое высокое место, ярко контрастирующее с бездонной синевой неба, там чувствовалась сила.

Это был апогей позитива прошлого лета. Неделя в деревне, неделя прогулок по свастичному колообразному полю дали не только отдых от работы, но и мощный заряд, стимул для дальнейшей борьбы, осознание необходимости переходить на новый уровень. Были только лозунги в голове, новые идеи, и тогда этого было достаточно из-за их новизны.

Тогда я не знал, что в конце осени депресняк всё-таки одолеет меня, ставший результатом несоответствия реальной жизни тому идеалу, который представлялся, что зима, полная злобы, заставит наконец-то заняться делом, что весна и лето пролетят почти незаметно из-за тотального поглощения системой и борьбой с ней, что смогу сюда попасть я только в конце октября, а не летом, как конечно же хотелось.

Сейчас небо серое, хотя дождя второй день нету. Я иду, погружённый в хаос мыслей, являющийся следствием недавнего пребывания в системе. Внезапно солнце освещает меня, лучи находят место между туч, создавая на поле вокруг меня солнечный остров посреди серой унылости. Тучи бегут, и остров света тоже уплывает, я провожу его глазами, как он перетекает с поля на кроны опадающего леса, а вон и другой остров приближается! Я жду его, и когда он проносится через меня, салютую солнцу правой рукой, и тому кусочку голубого неба, прорезанного белой лентой самолёта. Языческий восторг наполняет меня, и только теперь я понимаю: Я СВОБОДЕН!

Я бегаю по полю, стараясь как можно дольше оставаться в солнечных островах, ловлю взглядом пролетающие наверху куски глубокого светлого голубого неба, радуюсь рассекающим это небо самолётам, свидетельствующим о достижениях нашей Расы. Бегаю широко улыбаясь, раскинув руки, без усталости, словно подхваченный ветром, зная, что это будет недолго, но такие моменты нужны. Моменты, когда надо почувствовать силу, когда надо почувствовать свободу!

Пробежав по лучу свастики, я черчу руны на соседнем поле, перелетаю через речку, вбегаю на холм, и неожиданно оказываюсь посреди поля ярко-жёлтых молодых берёзок, самые высокие из которых едва ли превышают меня самого. Испытывая восторг я бегу среди них, а большой солнечный остров неспеша накрывает нас. Я вижу, что поле молодых берёзок длится ещё километр, входя квадратом в рощу патриархально возвышающихся над ними их родителей, устремлённых белыми стволами как ракеты в небо.

Обозначив очередную руну я попадаю на поле высокой жёлтой травы, где редкие двухметровые сосенки мягко колышутся под ветром. Со всех сторон

только леса и поля: жёлтые, ярко зелёные с озимыми, сказочно зелёные с клевером, тёмные свежевспаханые и серо-унылые. Небо очищается, солнечных островов всё больше!

Ещё одна руна, и я направляюсь к тому месту, которое я чувствую как лучшее завершение моего многокилометрового пути. Достигнув его под теплейшими лучами солнца, я просто стою на этом месте силы под градом эмоций, образов и осмыслений. То, чего так трудно добиться, находясь в системе.

Я свободен! Небо чистое, звенящие корпуса самолётов вспарывают лёд атмосферы. Их пассажиры смотрят на квадратик поля, на котором я стою, но не видят меня. Спросите их, кто может стоять вон на том поле? Да, километрах в трёх-четырёх от деревни! Унылый колхозник, поглощённый исключительно затхлым бытом и мыслями о водке? Нет, там стоит человек, более года не бывший в одиночестве, вынужденный постоянно быть среди быдла, вынужденный быть не собой. И вот теперь он летает над полем, в то время как вы не летите, а просто размазаны по салону самолёта. Сердце работает как мотор, воля как меч!

Возвращаясь в лучах склоняющегося в вечернюю дымку солнца я окинул взглядом прошедший год. Коло года. Он прошёл явно не зря, и любые трудности всегда только закаляют человека для новых трудностей, поэтому я рад им. На новом уровне борьбы, на который пора уже переходить, будет труднее, но возможно, вспомнив пережитое здесь ощущение свободы, будет легче взяться за преодоление новых преград.

Пройти год – не поле обойти, хотя и похоже. Что было, как было – об этом мой рассказ.

* * *

Осенью у меня всегда начинался депресняк. Точнее это было обострение, сам депресняк у меня был по жизни, в любое время года, почти без перерывов. Я так привык к нему, что прошлым летом даже испугался его долгому отсутствию, ибо как раз тогда я умудрился сам того не провоцируя поймать мощную волну позитива и оптимизма, явившуюся результатом как общения с хорошими людьми и совместной борьбы, так и активного мировоззренческого саморазвития. На этой позитивной волне я держался сентябрь и даже октябрь, но тёмные ночи одиночества ноября, когда мозг не хотел спать, а занимался активным самокопанием, раздавили меня. Я понял свою ничтожность.

Тогда я около года работал в небольшой фирмочке, где совершенно не напрягался, имел даже возможность в рабочее время читать книги, уходил всегда ровно в пять, и весь вечер был мой. Это было замечательное время на самом деле. Но ноябрьский депресняк в совокупности с обострившейся мизантропией настаивали на необходимости найти новую работу. Пассивно сидеть в офисе – этим пусть сопляки занимаются, я хотел доказать себе и социуму, что я могу справиться с любой работой, добиться чего-то. Я понял, что там, где я работал, нет никакого профессионального развития, никаких перспектив, так я и просидел бы всю жизнь на одном месте, если бы там остался. Также я понял, что другую

сторону моей жизни тоже надо пересмотреть: оставаться на уровне просто скинхэда достойно студента, в дальнейшем же национал-социалист должен набирать социальный вес, получая таким образом больше возможностей для борьбы. А социальный вес достигается работой. Когда НС своими усилиями добьются проникновения на высший уровень в различные сферы общественной жизни, например в СМИ, финансы, науку, то и в политику попасть не составит труда, и победа будет наша. Не знаю, многие ли соратники проникают в систему с этой целью, но я понял, что должен сделать это. Не зря ведь я получал высшее образование!

Может быть, это был своеобразный личностный кризис. Мне было всего двадцать три года, может быть это и есть тот возраст, когда человек должен активно включаться в работу? Что меня поразило, в течение этого года я наблюдал ещё несколько случаев подобного «кризиса» у моих ровесников, ранее полных похуистов, которые вдруг задумались всерьёз над своей жизнью.

У меня появилось много планов, которые я обязался претворить в жизнь: найти достойную работу, поднять практику уличного террора, который сейчас необходим, на новый уровень, приобрести пистолет, развиваться дальше. И ещё одно: перестать пить. Я помню этот день, когда я последний раз употребил алкоголь. Потом я стал sXe.

Найти хорошую работу в нашем городе не просто. Ходил несколько раз на собеседования, но либо меня что-то не устраивало, либо работодатели не отзывались после первой встречи. Не устраивало в основном то, что все эти фирмы были почти того же масштаба, что и та, где я работал, поэтому не имело смысла менять работу просто так. Меня интересовал отнюдь не оклад, но перспектива.

В конце января я узнал о вакансии в Корпорации. Вот это да! Крупнейший участник деловой и финансовой жизни всего региона! Решил попробовать, несмотря даже на то, что знакомых там не было, то есть никто бы не замолвил за меня слово. Отправил резюме и через несколько дней был приглашён на собеседование. Перед собеседованием я внимательно изучил сайт Корпорации, почитал соответствующую литературу и купил новый костюм с галстуком. До этого я ходил на работу в джинсах, различных поло, толстовках, да вообще в чём угодно, и тогда ещё не ценил этого. Счастье ходить в одежде, в какой сам хочешь!

Итак, нарядился в костюм, пришёл на собеседование. Потенциальная начальница вместо того, чтобы рассказать сначала, в чём состоит предлагаемая работа, завалила меня вопросами по специальности. Отвечал более менее сносно. Опрос длился около часа, я совершенно не привык так напрягаться. Потом сам спросил кое-что по условиям работы. Предложила оклад меньший, чем у меня был, но я решил, что это не проблема. Затем она сказала, что в общем-то я неплохо ориентируюсь в нужной сфере, но надо ещё кое-что изучить. Через некоторое время она пригласит меня на повторное собеседование в присутствии директора. Если я пройду и его, то будет кадровая комиссия с участием самого президента Корпорации, где одним из вопросов будет брать ли меня на работу. Я охуел!

Ну ждал потом, когда же она меня вызовет. А там как раз крещенские морозы были. Я вовсе не христианин, но в прорубь решил нырнуть, просто чтобы доказать себе, что я могу это сделать, не побоюсь. Только ночью нашли время, спустились с Серёгой к реке, разделись и слазили в воду. Легко! Но вот потом, когда шли обратно, у автостанции схлестнулись с пьяной гопотой, которые начали бычить, а я этого не терплю. Забыл, что нож в другой куртке остался. Результат: у меня фингал на правой скуле и разбита верхняя губа, распухла как валик какой-то. Я уж не говорю про кулаки, которые поработали на славу! И всё бы ничего, даже заряд позитива какой-то, да вот жёстко расстраивало то, что если меня вызовут на новое собеседование, с таким ебалом точно не возьмут!

К счастью встречу назначили более чем через неделю. Всё это время я использовал мази, выданные мне для лечения отцом, и к надлежащему моменту лицо приняло вполне приличный вид.

Второй этап собеседования был ужасен. Раскатали по полной, поебать! Чтобы представить, кто там был, обозначу в общих чертах структуру Корпорации. Над всеми стоит президент, ниже четыре его зама, затем десятка два директоров, потом начальники отделов, и далее пять ступеней старшинства рядовых работников. Второй этап собеседования при приёме на работу в Корпорацию проходит при участии директора той директории, в которую ты идёшь, а также начальников всех отделов, подчинённых ему.

Директор – очень солидный мужик лет сорока, говорящий громким басом и очень активный. В тот день у него почему-то были красные глаза. Также в кабинете были: та начальница, с которой я общался на первом собеседовании, и ещё два начальника, на которых я не обратил особого внимания. Центром внимания был директор, который сыпал вопросами, и было ясно, что он в результате составил полное представление о моих профессиональных качествах. Я и сам понял в ходе беседы, что мой уровень – это, пожалуй, небольшая фирма, а не такая громадина со сложнейшими финансовыми механизмами, тем более, что я пришёл претендовать на одну из наиболее ответственных должностей. Я просто не имел опыта для такой работы!

Уходя от них я думал, что на хуй мне всё это сдалось. Я знал, что меня не возьмут, и меня не взяли. Мне было безразлично.

Через несколько дней мы с братом пришли в гости к родителям, чтобы поздравить их с Серебряной свадьбой. Мы живём с братом, а родители отдельно. Не знаю, как кто, а я чрезвычайно рад этому, так как постоянное присутствие в доме родителей, особенно когда они не хотят признавать твою взрослость и самостоятельность и пытаются нравоучать и командовать, не может не напрягать!

Сидим значит, едим, родители удивляются, что мы с братом не пьём вино, и вдруг звонок мне на сотовый. Ну я с набитым ртом говорю, да? А он мне, я мол начальник из Корпорации, увидел тут твоё резюме валяется, приходи, побеседуем, мне тоже работник нужен. Я говорю, ладно, а сам задумался. Посоветовался потом с родителями, они благословили на новый поход в Корпорацию.

На сей раз в драки я не ввязывался, дабы сохранить лицо в целости для предстоящего дела. Конечно, чаще-то лицо уродуется у оппонента, но может и обратное тоже быть, что и показал последний случай. И вообще зима – не лучшее время для драк, неудобное...

Начальник, оказывается, был под тем же директором, с которым я уже имел беседу, что меня напрягло. В день первого собеседования этот начальник был в командировке, поэтому не присутствовал там. Начальник сразу вызвал к себе чисто человеческое расположение. Чел лет сорока, высокий, в очках, с пышной шевелюрой с проседью, что-то медвежье в нём есть, хоть он и не толстый. Вопросами особо не грузил. Оклад предложил такой же, какой я получаю. Короче я понял, что с таким челом было бы нормально поработать. Тем более, что мужик, ибо перспектива быть под руководством женщины меня совершенно обламывает.

Далее всё прошло весьма легко и быстро. Ещё одна короткая встреча с директором: глаза у него не были красными, не грузил, ибо нахуй второй раз, увидев намерение начальника меня взять, тоже дал согласие. Потом была кадровая комиссия. По другую сторону длинного стола сидел президент, в сравнении с которым даже директор выглядел совершенно несолидно, по простому. В президенте невозможно разглядеть человеческие качества, он как памятник, человек из телевизора, со страниц газет. Президент задал мне всего два вопроса о том, чем я занимаюсь на своей работе, и какие у меня интересы по жизни. Если на первый вопрос я ответил бойко, то на второй отделался херовым перечислением обывательских занятий, типа чтения книг, музыки, хождения в клубы и прочее. Мне показалось, что такой ответ даст мнение обо мне, как о совершенно пустом человеке, но похоже, что на самом деле это никого из членов кадровой комиссии ничуть не смутило. Потому что они сами такие! Ведь не буду же я им говорить о том, что я живу национал-социализмом! Ещё там мне задали несколько вопросов просто для виду, потому что кому надо и так всё необходимое уже про меня знали. Затем я удалился за дверь кабинета президента и ждал решения. Да уж, чем серьёзней Корпорация, тем сложнее в неё попасть, даже сам президент напрягается рассмотрением кандидатур. Через некоторое время все члены кадровой комиссии вывалили из той же двери, и начальник поздравил меня с новой работой.

Я осознал, что это произошло, даже не тогда, а уже позже, когда всю работу в Корпорации.

* * *

Корпорация находится на одной из центральных улиц нашего города. Десятиэтажное стеклянное здание со светящимся ночью логотипом возвышается над домами старой постройки, которые не превышают четырёх этажей. Здание Корпорации можно увидеть практически из любого двора близлежащих микрорайонов, в чём я убедился во время многочисленных прогулок. Да, я давно уже тусуюсь и периодически совершаю акции в центральной части, несмотря на то, что сам живу на окраине, так как большинство парней из НС банды, куда я

вхожу живут именно в центре. Я не знаю, есть ли ещё в городе такие прогрессивные НС группировки, на окраинах к сожалению приходится в основном наблюдать сборища скинов, иногда напоминающих гопоту, считающих sXe ёбнутыми. Но об этом позже, сейчас я рассказываю про Корпорацию.

В здании находится тысячи две человек. Большинство работников выполняют примитивную рутинную работу, а в некоторых отделах и вовсе страдают от безделья, но и перспектив у них почти нет. Я поступил в один из отделов по работе с крупными клиентами, я должен вести весь бизнес-процесс начиная от предложения товара, договариваясь об условиях сделки, стараясь при этом учесть и пожелания клиента и остаться в рамках жёстких требований, установленных Корпорацией, составляя и заключая договоры, работая с клиентом на протяжении всего времени действия сделки, и закрыть сделку в случае успешного её завершения. Сюда же следует добавить разруливание конфликтных ситуаций с проблемными клиентами, взаимодействие с другими отделами Корпорации, сопровождающими сделку, и постоянный контроль соответствия выполняемой работы многочисленным нормативам и правилам, объём которых дико впечатлил меня. Расписан каждый шаг работника, любая творческая инициатива может быть наказана! Во всей Корпорации знают, что у меня и моих коллег из отдела и параллельных отделов наиболее сложная работа, и именно мы приносим прибыль, поэтому относятся с уважением. Но несмотря на трудности, и перспективы карьерного роста у нас гораздо больше. Это связано прежде всего с тем, что любая сделка в силу своей существенности согласовывается на совете директоров, поэтому постоянно мелькая перед руководством, можно зарекомендовать себя, что может способствовать повышению.

В первый день своей работы я читал нормативы и ни хрена не понимал. Я вообще имею особенность запоминать только после того, как сам что-то сделаю, пусть и под чьим-то руководством, а вот запомнить сухой деловой текст на пару сотен страниц – нет, мой мозг не настолько изуродован рационализмом.

У меня сразу появилось рабочее место и компьютер, на что я не рассчитывал даже, помня, как на первой работе компьютер мне дали только через четыре месяца. Я занял место девушки, ушедшей в конкурирующую корпорацию. Кроме меня в кабинете ещё: начальник, Михалыч – узкопрофильный специалист, и четыре девушки – такие же работники, как и я. Все чисто по человечески произвели благоприятное впечатление. Ни одна из девушек не показалась особенно симпатичной, что и хорошо, ведь на работе не стоит отвлекаться на противоположный пол, по крайней мере в своём отделе.

Я думал, что на постижение теоретической части мне дадут хотя бы неделю, но уже на второй день я участвовал в переговорах с новым клиентом. Я, разумеется, только слушал, условия обговаривал начальник. Я многое даже не понял. После переговоров начальник сказал, работай мол, действуй в соответствии с таким-то нормативом. Пиздец, меня кинули сразу в пучину работы, в то время, как я считал, что первую сделку я должен проводить под руководством опытного работника! Но нет, все работники и так слишком заняты своими делами, вот тебе норматив, там всё расписано. Всё – это так кажется

опытному, новичок же попросту не понимает многих вещей, написанных там, в чём я впоследствии неоднократно убеждался на чужих примерах. Короче голова кипела!

* * *

В Корпорации рабочий день официально до пяти, но работать приходится часов до восьми, и уходишь не потому, что всё сделал, а потому, что надо доехать до дома, поесть и лечь спать. А с утра опять на работу.

Когда я отработал две недели, в течение которых вообще не встречался с соратниками, в субботу мне позвонил Ник и сообщил о предстоящем сегодня RAC концерте. Я не знал об этом событии по вполне понятной причине: если бы концерт фашистских групп рекламировался, его бы запретили. Поэтому информация расходится устно среди своих.

Встретились с Ником за час до концерта просто чтобы пообщаться. Ник – отличный чел, дружбе с которым я рад. Мы познакомились в далёком девяносто восьмом году, когда пятнадцатилетними пареньками забрили головы и стали посещать скин-тусовку. Тогда мы вдохновлялись только музыкой группы «Коловрат», едва только ещё начали пить пиво, дрались, был угар и никакой серьёзной идеологии. В первые несколько лет мы общались лишь от случая к случаю, ибо жили в разных районах, но года два назад после нескольких совместных особо экстремальных акций реально сдружились. Ник интересен тем, что он знает едва ли не всех адекватных скинхэдов города, имеет связи и в других городах. Он активно интересуется Правым искусством, всегда следует передовым тенденциям, происходящим в Правой среде. Именно он совместно с пятком друзей собрали вокруг себя мощную HC тусовку, именно они своим примером показывают новому поколению HC, как надо проводить акции. Ник, Камень, Тихон, Череп, Фёдор, Эйнхерий, Танк и ещё несколько парней – это те, кто в движении большую часть своей жизни, они до сих пор так же активны, как и в начале пути. Угар остался в прошлом, многие стали sXe, теперь у нас есть осознанная идеология национал-социализма.

Ник работает в автосервисе, он постоянно испачкан машинным маслом. Он встречается с девушкой из black metal тусовки, которая загнала его себе под каблук, что нас сильно удивляет. Один из самых отмороженных парней, он и с девушками никогда не церемонился, внешность и мужество позволяли ему покорить любую, но тут он оказался покорён сам. Такое ощущение, что он может даже предпочесть общение с ней какой-нибудь акции. Такого конечно не было, но из нашей решительно настроенной на совершение спонтанного замута компании он иногда уходил, когда она звонила ему и говорила, что ей скучно. Я конечно понимаю, любовь, но должно же быть какое-то равенство в отношениях!

Ник очень любит ездить в другие города ради общения с тамошними соратниками. Он всегда привозит кучу интересных вещей. У него вся комната завалена идеологической литературой, компакт-дисками, и, что меня в начале шокировало, по стенам развешаны флаги со свастиками и плакаты. Родители у него давно смирились с этим, насколько я понимаю, он умудрился даже сделать

из них пассивных НС. Другое дело, что если к нему нагрянут мусора... Впрочем, если ко мне нагрянут, найдут почти то же самое, пусть оно и не на виду, а по тумбочкам спрятано, но для мусоров это не проблема, они при обыске всё бельё перероют.

Потрындев о том о сём мы явились в клуб, где концерт уже начался. Это весьма стрёмный клуб, но на лучший при такой специфике концерта рассчитывать не стоит. Мы скинули куртки в раздевалке, вошли в зал и сразу оказались на окраине дико слэмющей толпы рыл в пятьдесят. Из слэма вылетел радостный Танк и пригласил нас присоединиться. В слэме участвовали в основном более молодые соратники, но мы решили тоже размяться, благо музыка была просто сокрушающая.

Танк старше меня на год, в движении он едва ли не с младших классов школы, когда никто ещё даже не знал про скинов. Короче, это один из первейших скинов города. Он отличается тем, что постоянно прикалывается над всем подряд, улыбка на его лице почти всегда. Также он постоянно гуляет с молоденькими девочками неформалками, на которых производит впечатление страшно крутого парня. Он модник тот ещё, Lacoste – его любимые шмотки. Бьётся он пожалуй не так брутально, как другие парни, но от акций никогда не отказывается, причём прикалывается вплоть до самого начала акции, сколь бы опасной она не была, и прикалывается сразу после неё, в то время как другие ещё приходят в себя, отпыхиваются и оттирают кровь врагов. Предметом приколов могут быть как моменты из самого произошедшего побоища, так и совершенно отвлечённые вещи. Короче, Танк меня удивляет.

Слэм был замечательный, хотя некоторые персонажи, нарядившиеся в классическом скин-стайле, рублились слишком уж жёстко, грозя нанести окружающим травмы. Пока настраивалась вторая группа, я вышел в вестибюль подышать более свежим воздухом. Там увидел подошедших парней из нашей банды. Ну сейчас они покажут, как надо слэмить!

- О, Диман, ты уже здесь! Как делища?! – говорит Камень.

- Нормал! Здорово, парни! Охуенный концерт!

Все завалились в зал, где отлично провели время. Я вновь ощутил позитив. Замечательно!

* * *

В Корпорации работа кипит. Тяжело. Я думаю, сколько же должно пройти, чтобы я чувствовал себя там достаточно уверенно? Для этого надо стать профессионалом. Один парень мне сказал, что профессионалом становишься через год, начальник сказал, что через два года. Ещё начальник сказал, что легко здесь никогда не будет. Но я полон решимости преодолеть эти трудности.

Я прорабатываю свою первую сделку. В суть уже въехал. Сделка оказалась по своему уникальной, я буду первым в Корпорации, кто совершит сделку такого рода. Скоро мне надо будет согласовать эту сделку с советом директоров и объяснить её уникальность. Я пока не представляю, как это будет, но особо и не думаю об этом. Рано ещё.

В Корпорации есть своя столовка, где кормят в общем-то удовлетворительно и дёшево. Кто хочет лучше, ходят во время обеда в близлежащие кафешки на бизнес-ланч.

Зайдя однажды в столовку я увидел в очереди знакомое лицо, смотрящее на меня тоже с узнаванием. Я вспомнил, что этого парня называют Викингом. Он подошёл ко мне.

- Здорово!

- Здоров! – говорю. – Блин, вот не помню, где мы общались? Ты ведь с Эйнхерием дружишь?

- Да-да, – говорит. – Помнишь у трамплина прошлым летом, а ещё в парке?

Я вспомнил, что действительно, он был там. У трамплина валили рэперов, а в парке наркоманов. Помню, что нарики как раз только что ширнулись и не чувствовали ударов. Его валишь, а он опять встаёт, как зомби какой-то. Но батлом я его всё-таки вырубил.

- Как Ник поживает? – спрашивает Викинг.

- Да как всегда. На концерт тут в субботу ходили, тебя чё-то не видно там было.

- Да меня приглашали. Занят был. Да и вообще RAC не очень люблю, предпочитаю NSBM.

- Ну это ты зря! Было вообще охуенно!

- Не сомневаюсь.

- А ты, кстати, в каком отделе работаешь?

- Да в безопасности. – говорит. – Камерами и сигнализацией заведую.

- А, ну понятно, у вас видать требований к одежде нет? У нас вот жёстко с этим, сам видишь, всё-таки с клиентами встречаемся.

Викинг прикалывается над галстуками, говорит, что это как ошейник. Сам он выглядит совершенно не по корпоративному: светлая бородка, которую осталось только в косичку заплести, какой-то милитари-стайл в одежде, футболка Thor Steinar. Говорит, что работа его совсем не напрягает, что мне он не завидует, что не стоит заморачиваться. Говорит, что на работу должен уходить минимум времени, что своё время надо посвящать борьбе. Я же ему сказал, что моя работа – это часть борьбы, но, похоже, он меня не понял.

* * *

Вместе с апрелем пришло тепло, а вместе с теплом – зверское желание гулять. В связи с тем, что я и так поздно заканчивал работать, у меня не было времени заходить домой переодеться, поэтому я приходил на встречи с соратниками прямо в костюме. Только галстук снимал, оставляя его в ящике рабочего стола. Тогда и началось то, что я испытывал потом почти всё время – блядский недосып. Особенно жёсткий он летом, когда ночью совершенно не тянет домой, а утром заставляешь себя нехилым усилием воли встать по будильнику, толком не проснувшись мотаешься по квартире словно пьяный, будишь брата, который ещё более страдает от недосыпа, спишь в маршрутке по дороге на работу, а там бегаешь по лестницам как будто по делам, чтобы

взбодриться, а то сидя за компьютером и вырубиться можно. Работоспособность от этого сильно снижается. Я понял, что надо несколько изменить образ жизни.

Я подошёл к брату и сказал:

- Брат, давай станем настоящими национал-социалистами!

(Эх, как красиво это звучит!)

Он посмотрел на меня с удивлением, ведь мы ими вроде и так являемся. Но я заявил, что мы соответствуем НС далеко не полностью, и надо сделать очередной шаг к идеалу, как в своё время мы отказались от алкоголя.

И мы сделали этот шаг! Со следующего утра мы вставали без раздумий под бодрую музыку, что-нибудь типа Oi! или немецких маршей известного времени, заходили по очереди в холодный душ, делали зарядку, тем самым получая заряд энергии на предстоящий день. Ложиться спать тоже старались пораньше, хотя это удавалось не всегда. Брат отказался от просмотра телевизора, за исключением пары программ, а я его никогда и не смотрел. Занялись изучением правильного питания.

Брат бросил алкоголь гораздо раньше меня, причём основывался он вовсе не на моде на sXe, об этом движении он и не знал, а просмотрел всего лишь некий пропагандистский фильм против алкоголя, табакокурения и наркомании. Если бы этот фильм сняли НС, я бы тоже посмотрел его, а так я воспротивился, не желая слушать непойми кого, ведь для меня авторитетно мнение только НС. Я знал про sXe, но считал, что это личное дело каждого. Я был слишком угарным человеком.

Я бросил пить в момент сильнейшей злобы против системы. Я всегда был против большинства, против масс быдла, старался быть другим. Я увидел, что пьют все: мужчины и женщины, старики, подростки, всех социальных сословий, вообще все, и если хочешь быть другим, надо быть sXe. Кроме того, борясь против системы, необходимо постоянно контролировать ситуацию, контролировать себя, любое расслабление может стоить свободы или жизни. Зачем «расслабляться пивком» в конце рабочей недели, как многие делают? Разве они настолько устают, переживают невероятные стрессы? Расслабляться – значит становиться слабее, это выгодно системе, она и пропагандирует поэтому алкоголизм. Ещё один довод – алкоголь портит кровь и отупляет, а НС придают этому большое значение.

Тогда, теми ноябрьскими ночами мой мозг работал очень ясно и глубоко. Я понял, что не хочу в очередной раз убежать от депресняка и озлобленности в алкогольный угар, что я должен оставить это состояние. Прямая линия – потому что против системы!

Что касается брата, он никогда не был активным скинхэдом. У него не было столько агрессии. Но и от него есть толк. Человек он очень общительный, даже порой настолько, что приходится затыкать, но за счёт этого он склонил во время обычных дружеских бесед на нашу сторону немало людей. Помню, как он просил у меня альбомы «Коловрат», потому что его одноклассники хотят послушать их после того, как он процитировал им тексты песен. Потом эти люди приходили в нашу тусовку, ну человек пятнадцать-то брат точно привлёк. Сам я привлёк таким образом всего человек пять, имеется в виду из тех, кто был до

этого вообще аполитичен, один из них – мой брат и есть. Просто я не настолько общительный, а порой очень мрачный.

Брат младше меня на два года...

* * *

В пятницу вечером я ушёл с работы пораньше, то есть всего-то часов в шесть, а не в положенные четыре, зашёл домой, поел и переоделся в соответствующие погоде шмотки: толстовка, джинсы, а сверху ещё лёгкая кожаная куртка. Апрель, это вам не май, ночью и холодно бывает. Поехал опять в центр. Там и работаю, там и гуляю. Стоя на спортплощадке у какой-то школы с Ником и Танком, я слушал приколы последнего, но мыслями был весь в работе. И выгнать эти мысли из головы было не просто, потому что логотип Корпорации светился в сумерках через квартал от нас. Здесь у нас была назначена встреча, и вот тот, кого мы ждали, появился.

Это был Эйнхерий, один из наиболее уважаемых среди молодёжи НС в городе, раньше также активный футбольный хулиган, но сейчас отошедший от этой фигни. И несомненно он дико заморочен на модных шмотках, хоть это лично мне, например, вообще похуй, но нельзя не подивиться, сколько у него разных шмоток от известных лейблов. Да и одевается явно со вкусом. Самая красивая скингёрл – его девушка. Эйнхерий – спортсмен. Бросается в бой не задумываясь. Даже в местной газете писали, что массовое избиение панков скинхэдами на рок концерте возглавил некто Эйнхерий, который мол один из лидеров скинов. Похоже, что у него есть связи в криминальном мире, об этом говорит хотя бы то, что цель нашей встречи – обговорить условия приобретения мной пистолета.

Мы отошли в сторону, и Эйнхерий подтвердил сумму. Я отсчитал деньги и передал ему.

- Завтра точно будет. – говорит он. – Я тебе позвоню, мне надо сначала на Автозавод съездить, взять его там. Уже обо всём договорились.

- Ладно, - говорю. – Люди-то надёжные?

- Да, мы с ними уже мутили подобные темы, всё должно быть нормально.

- Ну хорошо, давай.

Эйнхерий ушёл по делам, а мы с Ником и Танком решили просто прогуляться. Прошлись по улочкам, потом вырулили на главную улицу, где неожиданно встретили Камня, Шварца и ещё пару незнакомых парней. Решили объединиться. Идём значит, общаемся, и вдруг я замечаю, что за нами шлейф малолетних панков тянется.

- Это, бля, что ещё такое? – говорю я Камню.

- Да это с Панкотой, – он указывает на одного из парней, что с нами. – Он у них едва ли не кумир.

- Охуеть, так он панк что ли? То-то я смотрю, у него шмотки странные.

- Да, - говорит Камень. – Он Правый панк. Да и пиздится он охуенно, вместе хачей валили.

- Чё, ты думаешь, я его не завалю что ли?

- Да ладно, Диман, перестань, на хуй тебе это нужно?

Я на самом деле прикалывался, хотя и не на пустом месте – панков я терпеть не могу. Я посмотрел на Панкоту, он шёл в одном наушнике и подпевал «Бритоголовые москвички», наш разговор он не слышал. Ну ладно, вроде нормальный чел, не дегенерат.

Потом, когда мы шли по улицам, и нас с Ником прибило поссать, мы отошли в кусты. Пока мы ссали, я увидел, что весь шлейф панков собрался в одну кучу, человек в десять, и все ждали нас, потому что ждал Панкота, потому что ждали наши друзья, и все смотрели, как мы ссым. Меня реально на ха-ха пробило от этого.

Когда панки разошлись, я даже порадовался, а то как-то позорно ходить с такими спутниками. Кстати, был там один чел по кличке Плевок. Говорят, у них даже клички типа «Дерьмо» - это нормально.

Постепенно стали расходиться и парни. Когда мы с Ником остались вдвоём и шли мимо одного клуба, увидели там Черепа, разбирающегося с двумя гопниками. Мы подошли.

То, что Череп – самый отморозок, это ни у кого не вызывает сомнений. Всю жизнь он кидался на противника не задумываясь о соотношении сил. Известен реальный случай, когда он в одиночку прыгнул на десяток гопов, которых он ненавидит больше всех, и естественно был дико отпизжен. У него одиннадцать сотрясений мозга, хотя и говорят, что это невозможно, у него многочисленные шрамы на теле, но он неугомонен. Когда Череп участвует в акции, все уверены в победе. Все считают Черепа ёбнутым, но знают, что на своих он никогда не наедет.

Вот и теперь он один стоит с двумя превышающими его ростом гопами, активно жестикулирует и едва ли не пытается направить их на путь истинный. Гопы в своём стайле: кепки, стрёмные кожаны, полосатые брюки, ботинки с острыми носами. Странно, что барсеток нету... Наверное думают, что похожи на «Бригаду», хотя на самом деле они похожи на опущенцев-неудачников. Я ненавижу гопов. Я ненавижу «Бригаду». Всех их надо в концлагерь третьей категории, чтобы сдохли там от непосильного труда. А в случае войны гнать таких на врага в качестве мяса. Но в нашем дерьмократическом государстве это только мечты, быдло их боится и уважает.

Мы подходим и здороваемся с Черепом.

- А это кто ещё? – спрашиваю.

Череп, он хоть и трезвый, ибо тоже sXe, но манера изъяснения у него такая, что хуй его поймёшь. Тем временем гопник вмешивается:

- Слышь, пацан, а ты чё в чужой базар встречаешь? Ты кто такой ваще?

- Хочу и встречаю. – говорю. – И не твоё дело, кто я такой.

- Слышь, ты чё со мной как разговариваешь?

- Ёб твою, да как хочу, так и разговариваю! Или чё, есть какие-то правила разговора с тобой?

- Да я сидел, ты чё бля... – возбуждённо завопил гопник.

- Да мне похуй! – говорю я. – И кто это тут бля, а?

Я вижу, что Череп отвёл в сторону второго гопа, а Ник просто стоит и слушает.

- Пацан, ну ты попал! Да за меня Вагон впишется! – говорит мне гоп.

- Ну ты и лох, ебать! – говорю. – Хуй ли, сам за себя постоять не можешь, за Вагона прячешься. А то, что он сдох уже, это ни чё? Ты пиздобол ебаний!

- Ты охуел што ли?! Ну у тебя проблемы будут...

- Проблемы у тебя, и не будут, а уже есть!

- Чё? – говорит гоп.

- А то, что я тебя положу сейчас здесь!

Гопник дрогнул где-то в глубине, постарался не показать этого, но я заметил. Морально он проиграл, а мне это ничего не стоило.

- Чё сразу положу-то? – говорит он. – Нормальные пацаны всё по базару разруливают.

Он уже снова напускает на себя уверенный наглый вид.

- А я не пацан! – говорю.

На его лице появляется глупая ухмылка, которая выводит меня из себя. Правым кулаком я ударяю ему по челюсти, он пошатнулся, а я сразу же, пока он не успел закрыться, ударяю ему ещё в ухо, вложив в удар всю силу. Он падает, сразу пытается встать, но я хватаю его и ударяю головой об стену дома. Краем глаза я вижу, что Череп уже месит второго гопника. С моим оппонентом я проделываю удар головой об стену ещё пару раз, пока он не сваливается куском мяса на асфальт. К моим ботинкам текут струйки крови. Второй гопник тоже завален. Мы растворяемся в тёмных дворах никем не замеченные. Ночью здесь мало кто ходит, это наш район!

* * *

Побывал на совете директоров со своей первой сделкой. Я как-то и не нервничал, в отличие от многих работников, которым приходится докладывать что-то перед директорами. Да там и сам президент Корпорации присутствует. Выслушали меня, вопросы поспрашивали, одобрили сделку. Теперь надо заключать договора с клиентом, придётся в очередной раз напрячь мозги, ибо в юридическом деле до этого я вообще не шарил.

Параллельно с этим у меня появилась вторая, ещё более мудрёная сделка. Заниматься двумя делами одновременно непросто, но у нас считается нормальным вести сразу от пяти до десяти дел, в зависимости от их сложности. Так что всё ещё впереди.

Это конечно обломно – проворачивать сделку за сделкой, въёбывать до ночи, при этом ни сама сделка, ни работа в системе Корпорации тебе искренне не интересны, потому что всё это хуйня обывательская. Тогда то я и подумал, что с таким отсутствием интереса вряд ли у меня получится реальное продвижение по карьерной лестнице, да и вообще на хуй оно нужно. Но параллельно был расчёт на ясный разум и на то, что понимание сути системы даст мне возможность передвигаться по ней. Я старался улыбаться солнцу, выходя в обеденный перерыв из Корпорации, но внутренняя борьба уже началась.

Начальник сидит в своём углу до ночи, постоянно втыкает в монитор или трындит по телефону. По вечерам, когда сотрудники расходятся, врубает негромко хард рок и хэви метал. Когда я сказал ему, что Iron Maiden мне тоже нравится, он стал врубать погромче. Иногда начинает со мной неформальный разговор, но на восемьдесят процентов он о Корпорации и её правилах. Даёт советы и рекомендации, как лучше работать, рассказывает, за счёт чего люди продвигаются по карьерной лестнице, приводит примеры. Делает вид, что откровенничает, что так доверительно он только со мной общается. Но мне очевидно, что подобным образом он стимулирует каждого работника. Он хочет, чтобы его отдел выкладывался полностью.

Хрен его поймёт, что это за человек...

* * *

Одним четвергом решил прогуляться после работы, вышел часов в семь, благо ничего адски срочного не было, заглянул к Нику в автосервис. Атмосфера автосервиса нравится мне гораздо больше, чем атмосфера офиса. К сожалению, сам я ничего в работе Ника не понимаю, просто сижу и смотрю, как парни работают. Здесь кроме Ника из наших работают ещё Череп и молодой соратник Гон. Потрындел с ними полчаса, потом Ник переоделся и мы двинули на самое популярное в этом сезоне место сбора соратников – заброшенный стадион.

Стадион заброшен только для больших игр. А так в любой день, в любое время года там полно народа: играют в футбол или хоккей на полполя, катаются на коньках или роликах, лыжах или велосипедах, просто бегают, просто гуляют, просто сидят на трибунах, бухают, курят дурь и безобразничают. Пару раз и негры заглядывали, но потом не решились. Наше появление иногда настораживает некоторых присутствующих там, в особенности конечно же бухающих придурков и наркоманов, но отнюдь не спортсменов. Мы не привлекаем к себе внимания, был только один случай, когда две компании пламенных борцов с системой, сильно разбавленные карланами, оказались как раз друг напротив друга и перекрикивались нацистскими речёвками через весь стадион с подачи таких людей-без-башки, как Череп. Было конечно прикольно смотреть на съёбывающих со стадиона лохов на роликах, но вообще я тогда высказал неодобрение произошедшим. Нахуя всей округе знать, что на стадионе фашисты собрались?

Когда мы подошли, на стадионе уже были Камень, Шварц, Васян и Серёга «Гопник». Гопником последнего называют исключительно за его манеру одеваться и соответствующее лицо, но все знают, что это прикол. Стоит заговорить с Серёгой, и понимаешь, что человек этот весьма умён. В нём удивительным образом сочетаются рьяный борец с системой, который готов биться каждый день, и необычайный лентяй, который не смог удержаться даже на простой работе в спортивном магазине, и сейчас барыжит компакт-дисками. Мне говорили, что он бухает, но пьяным я его ни разу не видел. Впрочем он и не заявлял о своём стремлении к здоровому образу жизни, да и вообще в нашей компании он редко появляется.

На этот раз Серёга в совершенно гоповских шортах и футболке, и что совершенно ужасно – в кепке! Ха-ха, да я бы на самом деле и не обратил внимания на его одежду, если бы не постоянные подъёбки в сторону Серёги таких модников, как Эйнхерий, который сейчас общается в компании, расположившейся в соседнем секторе. Из той компании к нам подошёл Фёдор, одежда которого вообще навеивает мысли о пляже. Остальные же парни в большинстве своём одеты совершенно нормально, скромно и со вкусом, поло, рубашки, джинсы, никаких палевных элементов, столь любимых карланами. Самым оригинальным являюсь, конечно же, я – единственный носитель делового костюма. Не удивительно, что это не осталось незамеченным.

- Диман, а ты чё как одет? – спрашивает Фёдор.

- Так с работы! Не заходя домой сразу сюда!

- А я думал, это у тебя такой стайл теперь!

- Да, Диманыч у нас гангстер! – тонко подъебнул Камень.

Только Камень и Ник наверное знают, что пару дней назад Эйнхерий передал мне пистолет. Камень и сам заказал себе эту сверхнеобходимую штуку.

- Гангстер? – говорит Фёдор. – На вот ещё очки, все гангстеры очки носят!

Он надевает на меня свои очки.

- Эй, лицо серьёзней! – говорит Камень. – Гангстеры не улыбаются! Лицо серьёзней сделай!

- Он не может быть серьёзным! – говорит Васян.

Меня и впрямь пробило на ха-ха. Парни уже вытаскивают из под пиджака воротник моей рубашки, расстёгивают верхнюю пуговицу, устанавливают воротник «как у гангстеров». Ник и Серёга решили сфотографировать меня на свои телефоны. Камень говорит: сядь вот так.

Он сидит, расставив широко ноги, поставив левую кисть на коленку, и правый локоть на другую. Нагнулся вперёд, лицо нахмурено. Кисть правой руки намекает на пистолет.

Просто для прикола я принимаю такую же позу. Ник фотографирует. Я смотрю в экран его телефона и охуеваю: там фото какого-то отморозенного бандита, который при этом широко и искренне улыбается. Всем фотка понравилась, а я говорю: удали её на хуй.

Тогда ещё ни я, ни кто-либо из парней не предполагал, что через полгода некоторые будут знать меня исключительно как Гангстера, не зная моего имени, а те, кто знает имя, тоже будут называть меня Гангстером и никак иначе. Вот так и появился мой боевой псевдоним.

* * *

Я стал очень ценить своё свободное время. Стараюсь не тратить его на ненужные вещи. Уже приходилось выходить на работу в субботу, поэтому я стал ценить и выходные. Чем можно заниматься в выходные – это понятно каждому. Я же стараюсь толково проводить и вечера. Конечно, каждый вечер участвовать в акциях – это к концу недели я был бы неработоспособен. Поэтому иногда я просто иду домой и перед сном читаю или вылажу в Интернет.

К Интернету у меня отношение неоднозначное. С одной стороны это охуеннейшая штука. Залил туда свою мысль, и вот она уже в башках сотен. Поэтому это отличное средство для пропаганды, которое надо использовать максимально, например, писать не только на своих Правых форумах, но и на других, совершенно левых, рассылки делать и всё такое... Но с другой стороны есть свой недостаток – любой урод может сеять смуту в информационной среде. Вот и появляются всякие провокации, пиздаболства, конфликты, бред, дезинформация, ложь и жидовство. А сколько дегенеративных ресурсов – это пиздец! В Интернете тоже идёт борьба, конечно не такая важная, как на улицах, но и в ней следует активно участвовать. Главное – эффективно, а не премудром быть, гы-гы...

Ещё свободное время – обеденный перерыв. Ровно сорок восемь минут. Я приноровился по быстрому обедать в столовке в рабочее время, а в обеденный перерыв гулять. На самом деле так многие делают, только болваны сидят в столовке во время перерыва.

Когда гуляю во время обеда по прилегающим к Корпорации улочкам, часто встречаю соратников. Одни просто гуляют, потому что студенты, другие гуляют во время обеда так же, как и я. Вон Шварц, который по вечерам носит шмотки, подчёркивающие его мускулатуру, выворачивает из-за угла в костюме и галстук. Я первый раз вижу его таким, поэтому не могу сдержать улыбку. Беседуем, вспоминаем последнюю акцию, когда убили двух негров у клуба «Аventura», говорим о работе. Шварц работает в банке.

А то порой идёшь с сотрудником из Корпорации, ну по пути просто случайно встретишь, пиздишь на корпоративные темы, и вдруг к тебе несётся какой-нибудь карлан, вся внешность которого говорит о том, что это фашиствующий молодчик, и орёт широко и искренне улыбаясь: «Здорово, Гангстер! Как делища?!» Потом сотрудник спрашивает, тебя что, мол, Гангстером называют, и это что, твой друг был? Я говорю, нет мол, это просто один едва знакомый парень со странностями, это он прикалывался. Конечно, молодых соратников нужно учить быть всегда на шифре, надо бы этому пареньку люлей навешать за такое палево. Но с другой стороны он же был искренен, и вообще он хороший боец и отличный парень. Просто у него одна жизнь, а у меня получается уже две...

* * *

Очередным утром выхожу из дома, иду на остановку. Многих из стоящих здесь я уже узнаю. Каждый будний день в одно и то же время они едут на работу с этой остановки. Они меня тоже наверное узнают. Но никто никогда не подаст вида об этом, никогда не поздоровается.

Сажусь в маршрутку как всегда на самое заднее сиденье, а то если сидишь впереди – могут напрягать просьбой передать на билетик. А у меня и так глаза закрываются – несмотря на холодный душ и зарядку, к концу этой недели недосып накопился настолько, что можно уснуть, едва только расслабишься.

Возможно, именно из-за недосыпа я начал думать по-другому в этот момент. Смотри на билетик в своей руке, я неожиданно понял, насколько сложная штука – моя рука. Пальцы и ладонь – они же так устроены, что ими можно что угодно делать! Если бы у людей были какие-нибудь лапы с маленькими пальцами-подушечками, или копыта, то никакого прогресса точно не было бы. Да весь человек устроен совершеннейшим образом! Один мозг чего стоит. Я смотрю на людей, едущих со мной в маршрутке, понимаю, насколько они все сложные, и понимаю, какой хуйнёй при этом они все занимаются. Они не помнят о том, что они люди, о том, в каком мире они живут. Они живут в системе и являются её клетками. Вся их жизнь ограничена заебавшей их же самих работой, ещё более заебавшим их бытом и быдлыми радостями, предложенными системой для отдыха от работы и быта. Все эти обыватели живут так, как по их мнению должен жить «нормальный человек», по правилам, и это можно видеть даже в маршрутке. Они рабы. Многим из них не нужны пять пальцев, хватило бы и одного, чтобы нажимать на клавиши и ковырять в носу. Многим из них не нужен мозг, всё равно за них думает система.

А я вспоминаю, что мы живём на планете Земля, которая ничтожно маленькая плавает во Вселенной, и думаю, зачем всё это? Зачем нужен этот мир, зачем нужна эта жизнь? Зачем людям даны такие тела, зачем такой разум? Ведь не для того же, чтобы быть обывателем!

Ощущение дурного сна, иллюзии, нереальности этого мира наваливается на меня. Ощущение того, что я и сам занимаюсь не тем, чем надо. Еду в Корпорацию, блядь...

В Корпорации уёбищность обывателей видна ещё сильнее. Есть, конечно, и более-менее нормальные люди, которые хоть и обыватели, но вполне искренни и открыты. Но многие явно играют придуманные ими роли. Например, Ирина из нашего отдела постоянно говорит какие-то не свои, а словно заученные фразы, фальшивит. Пытается казаться продвинутой, активной, своей в системе Корпорации. Видимо начиталась книжек и журналов, где жиды описывают, каким должен быть успешный современный человек, и работает в этом стиле. Но иногда непроизвольно она показывает свою истинную сущность. За маской скрывается очень неуверенная в себе, сильно закомплексованная женщина, которая хочет создать свою семью, потому что в тридцать уже пора, но кому же нужно такое уёбище? И где ты вообще мужика найдёшь себе, если с утра до ночи сидишь в Корпорации, пытаешься сделать карьеру? И ведь не бросишь ты эту работу, потому что твой идеал – состоятельная бизнес-леди из журнала. Пойми, ты не станешь такой, это не твоё, только время проебёшь, так и не будет у тебя семьи! И тебя уже не исправишь...

Когда работаешь с такими людьми, очень непросто казаться своим. Наверняка, меня некоторые считают замкнутым, хотя я пожалуй никогда раньше не разговаривал так много на столь уёбищные темы. Стараюсь улыбаться, потому что знаю, что когда я мрачен, люди могут и напугаться.

Наверное, не только я один так обламываюсь в Корпорации, по крайней мере я надеюсь на это. Коллектив отнюдь не самый дружный, все если и дружат, то маленькими группками, в лучшем случае отделами. Некоторые отделы вообще

терпеть не могут другие, и это порой взаимно. Между некоторыми отделами симпатия. Мне вот самому больше нравится общаться с соседним отделом, чем с моим собственным. Там есть Денис, почти не испорченный системой парень, совершенно безыдейный, но вполне искренний. Там Света – маленькая девушка с совершенно Арийской внешностью, пришедшая недавно, сразу после института, и очень трудолюбивая. Там Анна – просто очень душевная женщина. К ним просто хорошо заходить пообщаться.

Для «сплочения коллектива» иногда проводятся разнообразные мероприятия. Вот, например, мне предложили играть в футбол после работы пару раз в неделю. Команды формируются, уже была игра на небольшом поле у близлежащей школы. Я дал согласие, спорт – это хорошо, надо вот только кроссовки новые купить.

Отработал день и вечером пошёл покупать кроссовки. Выбрал и купил, у меня это много времени не занимает. Только собираюсь валить из магазина, вдруг слышу: «Здорово, Диман!» Оглядываюсь и вижу Деда.

С Дедом мы учились вместе с первого класса, а весь восьмой просидели за одной партой. Каких-то особенных воспоминаний он не вызывает, ну дрались пару раз, но и прикалывались вместе, в целом нормальный был чел. После окончания школы я его видел всего пару раз, слышал что-то про него, насколько я знаю, друзья всё так же называют его Дедом – школьное прозвище, основанное на фамилии.

Дед зашёл сюда с той же целью – купить кроссовки. Пока он выбирал, поговорили. Он переехал на другую улицу, работает в фирмочке, торгующей какими-то железками. Вспомнили одноклассников, кто что слышал про кого. Сам Дед никогда не отличался ростом, со времён школы он совсем не вырос, теперь мне по плечо. Когда он купил себе кроссовки, предложил мне обмыть покупки пивком. Я сказал, что не пью, от чего он искренне охуел.

Потом идём по улице, ему звонок на трубу, ну слышу, чел употребляет фанатские словечки, типа «сколько шей?», «на говне?», «беспалевно», «не прыгайте пока», намёки какие-то, вообще непонятные мне слова. Договорился о чём-то через час. Я оглядел его, и впрямь шмотки-то фанатские вроде, правда Umbro уже давно не в почёте, но он и на модника-то не похож.

- Как к футболу относишься? – спрашиваю.

- Нормально, - говорит. – Фанатею. А ты?

- А я нет. Не вижу смысла. А к скинам как относишься?

После этого вопроса он немного насторожился и посмотрел на меня, пытаюсь понять, нет ли подвоха в моём вопросе. Я говорю:

- Да я сам поддерживаю Правые идеи, и скинов тоже, вот поэтому и спрашиваю, что раз ты фанат, так может и скин заодно?

- Да, - говорит. – Я тоже за правые идеи. Хачей ненавижу! Валили несколько раз. Но мы больше по футбольным темам как-то... Скины – они же совсем отмороженные.

- Ни хуя себе! Из-за футбола людей уродовать – это нормально значит, а для спасения своей расы – отмороз?

- Нет, я не об этом. Скины сейчас не задумываясь на перо кого угодно сажают, а то и стреляют. А мы так, по-спортивному бьёмся.

Тут я в очередной раз осознал громадную разницу между НС революционером и футбольным хулиганом, который «спортивно» пиздит хачей. В глазах обывателя все мы одинаковые «фашиствующие молодчики», но мы-то знаем, кто есть кто.

Мы поговорили с Дедом ещё немного на эти темы, а потом разошлись. Интересным челом он мне не показался. Мне стало очевидно, что на реальное антисистемное действие он не способен, а когда обзаведётся семьёй, то и хулиганизм свой забросит. Для него это угарное хобби.

Для меня НС – жизнь.

Я не люблю весь этот хулиганизм. Среди моих друзей есть достойные люди фанаты, они в последнее время заметно образумились, отдают предпочтение НС-акциям, а не хулиганским замутам. Да они никогда и не были такими, как Дед. И уж тем более такими дегенератами, как Серёжа Сакин или Дым, завалить которых – совершенно естественное дело для настоящего НС.

Я призываю равняться на питерское БТО и на Погибшего Героя Дмитрия Боровикова. Я говорю: бросайте свой хулиганизм! Врагов что-ли мало? Осмотрись и пойми, что мы окружены. Враг – система. Вот кому нужно проломить башку, а отнюдь не парню, болеющему за другую команду.

Особо дегенеративных хулзов мы валим. Бухой, накуренный, разнюхавшийся, закинутый, посещающий недочеловеческие тусовки, вполне может быть «посажённым на перо», как сказал Дед. Такие нас боятся и ненавидят, самые уроды становятся антифа. Я вспомнил один разговор, произошедший примерно месяц назад:

- Вчера с фанатами схлестнулись, они все нарики были. – говорит Камень. – Положили их как детей малых!

- Ёпты, а меня почему не позвали?! – спрашиваю.

- Знали, что без тебя справимся. Да ты бы ещё чего доброго, резать их начал, а рядом с драмтеатром это совершенно не нужно.

- Ты чё, с какого хуя-то я бы резать начал?

- А в тот раз помнишь?

- Так это ж хачик был!

- Да ёб, но хачика зарезать в магазине только полный псих может!

- Ну, я тогда бухал ещё!

- Не, ты уже не бухал! Тебе просто крышу снесло!

- Это не крышу снесло, это была совершенно адекватная реакция! Это вы живёте по каким-то правилам, думаете, когда можно что-то делать, а когда нельзя! Значит вы подчинены системе! Нихуя не свободные! Ты чё, думаешь, я не соображаю, где можно кого-то завалить, а где тебя сразу примут мусора? Я руководствуюсь здравым смыслом, а не правилами ебаными! И бля, Камень, ты чё, думаешь, что я начал бы резать, если бы это было не нужно?! Ты думаешь, я не знаю, надо это делать или нет?! Ты что, меня ёбнутым считаешь?

Я вообще-то не самый агрессивный парень, но все предпочитают не связываться, когда я произношу подобную речь. А чего пугаются – непонятно, я

же своих друзей не трогаю. Может быть, в столь агрессивном сообществе каждый подозревает в другом психа, а у некоторых ещё и паранойя? А может они просто не так ясно видят этот мир?

Система, разьебать её! Как же она испортила людей! Как же я ненавижу её!

* * *

Пистолет давно просится в дело. Один кавказец давно просит пулю в лоб, хотя он не знает об этом. Студент лучшего университета города, бандит, ненавистник Русских – вот что про него стало известно. Ездит на джипе, обычно с такими же уродами, иногда с длинноногой блондинкой. Живёт в новом элитном доме. Деньги ему на всё это похоже подогнал отец, который где-то на Кавказе. Может и сам хуило подрабатывает криминалом.

Вчера вычислить его не получилось. Походу дома он не ночевал. Второй день я прихожу сюда и прячусь в кустах. Не двигаюсь, мышцы затекли.

Ждать заебался. Чего только не передумал за это время. Когда этот чурбан наверняка живёт яркой, насыщенной, полной приколов и удовольствий жизнью, я тут просто сижу на корточках, терпя запах мочи. Если бы это всё показывали в реалити-шоу, и блядь собчак спросила бы «кто лучше?», ответ довольного быдла был бы очевиден.

Когда джип подъехал, я сразу вылез из кустов и пошёл к нему, стараясь сохранять вид просто прогуливающегося человека. Я нервничаю, так как ещё не стрелял ни в кого до этого, и не знаю, как всё это получится.

Он вылезает из машины, типичный чурбан, а из другой дверцы вылезает блондинка. Они подходят к багажнику и открывают его. Тут и я поравнялся с ними. У меня на голове кепка с большим козырьком, чтобы из окон дома не было видно моего лица. Одежда максимально невыразительная. Чурка оглядывается на меня. Я останавливаюсь.

- Чё надо? – спрашивает он совершенно наглым тоном.

Блондинка смотрит на меня почему-то презрительно. Может быть я не настолько крут, как этот цунареф? Ты думаешь, он лучше?

- А вот чё, - говорю.

Вынимаю из кармана пистолет. Стреляю в голову хача без промедлений. Всё, мёртв. Свалился, ударившись о машину, заляпав её дерьмом, которое брызнуло из его башки.

Блондинка орёт, но недолго. Вторая пуля вышибает её мозги, которые никогда не напрягались мыслью.

Я стою над двумя трупами. Двамя кусками дерьма. В ушах всё ещё стоит звук выстрелов.

Так кто лучше?

Блядь собчак бьётся в истерике, быдло словно громом ошарашено, наливает трясущимися руками водку.

Ну ладно, теперь пора побегать, надо размять мышцы ног, подготовиться к игре в футбол...

* * *

Сижу, уставившись в монитор, денежные потоки выстраиваю, и вдруг звонок он Ника.

- Тут дело одно есть, время найдёшь? – говорит.

- Конечно, - говорю.

- Тогда Боб к тебе подъедет, расскажет всё. Я ему твой номер дам.

- Какой Боб? А, понял. Давай!

Боб – это тот, про кого все слышали, но почти никто не видел. Вернее его много кто видел, но это из тех, кто после этого либо умер, либо попал в больницу. А так в тусовках Боб никогда не светился. Действует судя по всему в одиночку, как-то умудряется сделать так, что весь город знает, что это именно он, но несмотря на это, поймать его не могут. В лицо его не знают, даже выжившие не смогли составить толковый фоторобот.

Я слышал про него уже несколько лет назад. Тогда я почему-то представлял себе здорового скинхэда в классическом прикиде. Потом понял, что он не палится. Но всё равно представлял его здоровяком с лицом убийцы. Не даром же парень один завалил трёх чурок, а в другой раз отхуярил пятерых рэпаков!

Действует он в основном в другом районе, располагающемся рядом с нашим. Я был как-то там и видел несколько качественных граффити, нарисованных Бобом. Как правило, это слова «Боб», «White Power», руны, свастики. Всё объёмно и красиво в отличие от большинства корявых надписей, оставляемых скинами. Особенно картинка «Национальная Революция» на всю стену, которую рэперы были не в силах загадить своими баллончиками. Так Боб обозначил свою территорию. Короче, парень реально прославил себя.

Он позвонил на мой телефон и предложил выйти. Говорит, что мол в белой рубашке и серых брюках.

Ну выхожу, оглядываюсь, не вижу никого. Думаю, может в машине сидит, стал в машины, стоящие рядом, заглядывать, какого-то придурка даже поприветствовал, но сразу понял, что это не Боб.

Откуда Боб взялся – непонятно, просто возник передо мной. И я сразу же впал в глубокий ахуй.

Передо мной стоит чел с серьёзным лицом, аккуратно причёсанный, в рубашке с коротким рукавом, галстук, брюках и летних ботинках. То есть такой же как я, словно он вышел вслед за мной из здания Корпорации.

Пожали руки.

- Ну чё, - говорит он негромко. – Тут антифа чё-то собираться начали в моём районе, рыл десять, одному прыгать уже рискованно. Вот Ника позвал, он говорит, что ты тоже не откажешься?

- Я за! А чё, пострелять надо?

- Побереги пули для более серьёзных целей. Этих чмошников перерезать как овец можно.

- Эт ты прав! В трое шей пойдём? Где будет?

- Да, больше и не надо, эти шапки сопляки как всегда, отпор дать не смогут. Возьмём неожиданностью. Будет в Советском районе, конкретное место я укажу. Часов в девять или чуть позже они собираются.

- Эх, опять не выплусь... Ну ладно, согласен. Когда встречаемся и где?

- Давай в восемь на Горького. Как раз Ник тоже освободится.

- Отлично. Давай, до встречи.

Разошлись. С работы я ушёл в этот день в шесть. Официально рабочий день до пяти, и никто дольше не держит, но уходить в пять не принято как-то. Да просто-напросто во сколько не уйди, всё равно всю работу не переделаешь. Вот так и уходят часов в семь-восемь, а в шесть – это считается рано.

Короче ушёл пораньше, изредка это можно, дома поел, переоделся в старое синее поло, одел чёрные джинсы, старые кроссовки, всё это в случае заляпывания кровью не жалко будет уничтожить, заложил за ремень под джинсы нож с двадцатисантиметровым лезвием в ножнах, что весьма неудобно, и пошёл «гулять».

Встретились с Ником. Сидим на лавочке, ждём Боба. Тут Ник вдруг кричит: «Диман!» Ну всяко не мне. Смотрю, к нам направляется какой-то бритый чел, которого я не знаю. Ну Ник-то всех знает! Он представляет нас друг другу:

- Это Журналист, а это Гангстер. Оба Диманы!

Пока они вспоминают свои приколы, я просто стою рядом, разглядываю проходящих мимо обывателей. Слышу, Ник сказал Журналисту, что ждём Боба, и тот проявил интерес. Я говорю:

- А чё, Диман, есть какое дерьмо при себе?

Он достаёт из-за плеч рюкзак, который я сразу и не заметил, так как его лямки слились в сумраке со свитером Журналиста, и начал в нём рыться. Потом достал молоток.

- Охуеть! – говорю. – Топоры я уже видел, но чтобы молотки с собой таскали – первый раз!

- Топор слишком палевный, - говорит Журналист. – У меня уже были проблемы с мусорами из-за него, с большим трудом отмазался. С молотком как-то попроще.

- Походу любой инструмент для дела сойдёт, - говорит Ник.

- Да, - говорю. – Я однажды чуть пилой одного уголовника не завалил, да брат отговорил, на остановке дело было, народу полно. Это мы тогда с кладбища возвращались, там на могиле деда я поросль спиливал. Уголовнику просто с ноги досталось – повезло.

- А пилой-то башку наверное легко снять можно, - говорит Ник.

- Да хуй знает, - говорю.

Журналист тихо посмеялся над этим разговором. А я ему говорю:

- А то пойдём с нами антифу валить? Проверишь, насколько хорош твой молоточек.

- Отлично! – говорит. – А то я давно уже ни в чём не участвовал!

Тут подвалил и Боб. Одет опять так же, как я: поло, джинсы, кроссовки. Каких фирм – не знаю, мне реально похуй.

Двинули к месту. По дороге Ник затеял по телефону выяснение отношений со своей блэк-металлической подругой. Ну это почти каждый раз так! Ближе к месту он отключит телефон. А я вообще не беру телефон с собой на акции, может у меня и паранойя, но я загоняюсь по теме, что можно засечь даже выключенный телефон. Ну Ника-то в этом не убедишь, он больше боится, что подруга предъявит ему за выключенный телефон, скажет, мол ты что, со мной разговаривать не хотел? Ещё заподозрит, что он в это время был с другой девушкой. Все парни считают, что Ник хоть и нормальный вроде чел, а здесь хуйнёй страдает.

Пока Ник общается с подругой, а Журналист видимо просто идёт и радуется жизни, насвистывая под нос, я заговорил с Бобом. И сразу удивился ещё раз.

Боб работает в конкурирующей корпорации, которая намного меньше моей, поэтому, возможно, я про неё ничего кроме названия раньше не слышал. Боб занимается там тем же самым, чем и я. Говорит, тоже работать напряжно, хотя я уверен, что у меня тяжелее. Что у них намного лучше – нет такого давления корпоративной системы, контролирующей каждый твой шаг. У них проще, может быть даже по домашнему как-то. Ну это только мне так кажется, Боб тоже напрягается системой своей корпорации. Он говорит, да, у вас труднее, но зато никто не сомневается в том, что ваша корпорация круче всех и работать в ней дико престижно. И платят наверное дохуя, а? Я говорю, нет, так себе платят. За такую работу надо вдвое больше платить. Короче идём, сравниваем всё, вплоть до тонкостей, обоим дико интересно. Я даже забыл, что сначала хотел расспросить его совсем о другом – о его вкладе в Правое дело. Под конец спросил и об этом.

- Это на самом деле важно для меня, это моя жизнь, - говорит он. – А работа в корпорации – это так, чтобы деньги были.

- Ну у меня так же, - говорю. – Только работой я ещё хочу достигнуть определённого социального статуса, продвинувшись по карьерной лестнице, а потом использовать это для борьбы.

- Ну у вас это может и возможно, а у нас какой статус? Да и заебёшься ты с этим, мне кажется...

Мне так не казалось. Не успел обсудить это, так как Боб объявил, что подходим к месту. Ник уже давно отключил телефон и беседовал с Журналистом.

- Неужто на классическом месте – у детского садика? – спрашиваю я.

- Нет, но типа того, - говорит Боб. – На детской площадке рядом с теремком.

Я думаю, что это, ностальгия по беззаботному детству что ли, что многие ушлёпки так любят тусить на местах, предназначенных для детей?

Боб попросил нас подождать, пока он сходит, посмотрит, на месте ли уёбки. Когда он удалялся в сгустившихся сумерках, я понял, что хоть он и не такой здоровяк, каким я его представлял, но силушки-то хоть отбавляй! Сплошные мышцы, отнюдь не надутые, как у бодибилдеров, но витые, как у человека физического труда. Да и навыки боя наверняка на высоте. Ну, скоро

увидим, если конечно мне будет до того, чтобы смотреть по сторонам. Обычно, орудуя ножом, я особо не оглядываюсь...

- Откуда берутся антифа? – спрашивает Журналист.

- Ясно откуда! – говорю. – В обывательском обществе их в своё время послали на хуй, потому что они чмыри, вот у них и появился протест в душе. Хотели стать скинами, но так как чмыри, сопляки и дегенераты, то и skins их послали. А тут, хоп! – тусовка таких же чмырей с иллюзией протеста – они кого угодно к себе принимают, даже последнего бомжа, антифа поебать! К ним очередной чмырь примыкает, так они набирают численность до той поры, пока их не заметят. Тогда их вырезают, стало быть это хорошо, что они сбиваются в кучки, сразу многих вальнуть можно. Это работа по очищению общества от чмырей. Врубашься?

Журналист кивает с лицом, выражающим осознание поднятой темы. Блин, я думал, это и так всем понятно.

Уже почти совсем темно. Мы стоим рядом с нежилой кирпичной постройкой непонятного назначения, вокруг деревья, под которыми ещё темнее. Место безлюдное, судя по запаху где-то недалеко помойка. Скулит собака. Из-за домов с трассы доносится шум проезжающих машин. Ни один лист на дереве не шелохнётся. Мы молчим и ждём.

Через пару минут Боб вернулся.

- Восемь щей, - говорит. – Пиво сосут. Как раз по двое на каждого.

- Замечательно, - говорю.

- Достаём орудия труда, - говорит Боб.

Я достаю свой тесак, который сразу вызывает улыбку у всех. У Боба нож поменьше, но качественней – охотничий. У Ника опасная бритва. У Журналиста молоток.

Идём за Бобом не говоря ни слова. Идём тихо. Боб останавливается у угла постройки. Кивает за угол. Я выглядываю. Стоят. Каждый из нас осторожно выглянул, чтобы оценить расстояние. Нас точно не заметили, уже совсем стемнело, да они и не озираются.

- Победе Слава! – шёпотом говорит Боб.

Мы выбегаем из-за угла и стремительно преодолеваем метры, разделяющие нас. Я держусь сбоку. Один из антифозов стоит ко мне всё ещё спиной. Я загоняю нож ему под рёбра, а в этот момент рядом уже стоит крик, возня, шум драки. Я вынимаю нож из опадающего тела. Второй шапка с ужасом смотрит мне в лицо и уже разворачивается, чтобы убежать. Я перепрыгиваю через первого, который хрипит на земле, в это же время замечаю, что один из антифа убегает куда-то в темноту. Но я настигаю своего второго и бью ножом ему сбоку в шею. Он, несмотря на это, всё ещё пытается удирать, видимо удар был неудачный. Я втыкаю нож в его спину. И ещё раз. И ещё. Чувствую, как нож иногда попадает по рёбрам. Шум, ор, адреналин. Уже лежащему я бью сверху ножом опять в шею и разворачиваюсь.

Первым делом вижу, как Журналист хуячит молотком чела с окровавленной башкой. Тот воет и пытается вырваться, но рядом стоит Боб

почему-то без ножа и делает ему подсечку. Я бью в этого чела ножом, и он уже не воет, а конвульсивно глотает воздух. Кровь в лёгких.

Ник херачит бритвой шапку, на которого посмотреть страшно, даже в темноте видно, что он весь в порезах. Щека свисает вниз, обнажая окровавленные зубы. Лучше бы он сидел дома! Бритва разрезает горло и чел падает.

Семь тел под нами. Я даже не заметил, как некоторых из них завалили. Что значит многолетний опыт – в минуту разделались с превышающим численно противником!

- Один убежал, - говорю.

- Не думаю, - говорит Боб.

Он идёт туда, куда бежал шапка. Я за ним. Пиздец! Тело лежит на травке, а из шеи сзади у него торчит нож Боба. Боб вынимает нож и вытирает о тело. Я понимаю, что держу свой окровавленный нож в руке, смотрю на него. Потом тоже вытираю об одежду трупа.

- Пора ноги делать, - говорит Ник.

Мы бежим за Бобом по тёмным закоулкам. Он знает эти места.

* * *

Я не играл в футбол уже несколько лет, со школы. И вот предложили. После работы переоделись, пошли на поле. Мужики, парни, это всё работники Корпорации. Едва вышли на поле, дождь ливанул как из ведра. Но решили играть несмотря ни на что.

Для начала я встал в ворота, посмотреть хоть как играют. Пару мячей отбил, пару пропустил, стал замерзать, напрочь мокрый. Поменялись, начал бегать и сразу разогрелся.

Игра была замечательная, не будучи знатоком футбола я не смогу описать всего, что там было. Забил два гола, просто хорошие пасы были. Сразу почувствовал, что играть разучился, мяча не чувствую. Но это было пофиг, там многие играли на этом уровне, всего человека три только показали высококлассное владение мячом. Люди шли играть кто для «сплочения коллектива», кто просто размять заостеневшее от офиса тело, кто из любви к спорту. Мне было просто интересно посмотреть на этих людей в неформальной обстановке. И это было здорово, многие оказались совсем другими, чем я их представлял. Система Корпорации тоже сковывала их, и только здесь, на поле, освободившись от галстуков, они показали себя. Не удивительно, что здесь не было ни одного начальника, им предлагали, но они не захотели даже на время становиться равными с нами.

После игры мы прошлись по улице с Михалычем. Ему уже за сорок, но спортсмен он фанатичный. Ходит в спортзал. Так уж получилось, что он рассказал, что в тот зал ходит и Алёна – самая красивая девушка Корпорации. Он рассказал, как она занимается на тренажёрах, выкладываясь на все сто.

Алёну я заметил сразу же. Потрясающее лицо, просто ангельское, всегда улыбающееся, потрясающая спортивная фигура, подчёркиваемая модными

шмотками. Работает не в самом бестолковом отделе, значит достаточно умна. В половине случаев, когда я её вижу, разговаривает по мобиле.

Увидев, что в обеденный перерыв она гуляет одна, я не удержался и пару раз якобы случайно составил ей компанию. Подходя к такой девушке оцениваешь себя по-другому. Думаешь, что ты недостаточно крут. То есть ты может и очень крут, раз постоянно валишь врагов на улицах ножом и пистолетом, но такая крутость явно не поможет завоевать такую девушку. Я и не рассчитывал ни на что, просто было очень интересно пообщаться. Я хотел знать, свидетельствует ли внешняя красота о красоте внутренней... Гы, ну вы поняли, что я уже гоню, на самом деле это было совершенно дикое влечение!

О чём была беседа? Да о фигне всякой, о Корпорации, работе, кто где обедает и прочее. Я счёл наиболее разумным на время разговора забыть о её красоте и разговаривать с ней, как с совершенно непривлекательной девушкой, чтобы не напрягаться. Хотя второй раз это не прокатило, я не настроился должным образом и возможно выдал то, что я общаюсь с ней не просто так. После этого решил больше не подходить к ней вот так на улице.

А какое было впечатление? Да по-моему, это самая лучшая девушка, какую я только встречал! Надо постараться не влюбиться...

* * *

Сидим ночью у драмтеатра я, Камень, Шварц и Васян. Решили просто посидеть, посмотреть в звёздное небо, на сегодня хватит уже активности – за плечами две акции. Сначала, ещё до того, как стемнело, отхуярили у заброшенного стадиона эрэнбишников, куривших травку. Никого убивать не стали, настроения не было, просто оставили их валяться там окровавленных. Потом увидели армянскую девушку модницу со стройной фигурой. Парни ещё задумались, а я сразу вспорол ей брюхо своим немаленьким ножом. Зато теперь не нарожает новых чурбанов! Немного пошифровались, а теперь опять вылезли на улицу, но в другом районе, у театра. Лично я всё равно не особо спокоен, хотя всё вроде и было вполне беспалевно.

Сидим, короче, молчим в основном, тут к нам два парня подходят, я их раньше видел, сразу понял, что свои. Один из них Дизель, мне сначала совершенно не понравился. Ну прям на лице у него написано, что парень псих, который, повернись к нему боком, сунет тебе заточку в печень, и не потому, что посчитал тебя врагом, а потому что ему показалось, что ты на него не так посмотрел. Да и манера общения у него соответствующая. Только уже потом, достаточно с ним пообщавшись, я понял, что это просто имидж, на самом деле он один из наименее отмороженных товарищей. Не всегда первое впечатление правильное! Второй парень – здоровяк Шайба, из тех, кто склонен к спортивному фанатизму, при этом человек совершенно правильных взглядов.

Оба они живут не в центре, а как и я приезжают сюда для общения и совместных замутов. Оба являются sXe, поэтому предпочитают нашу компанию местным алко-скин тусовкам. Так у нас появляются люди со всего города, всех я

даже не знаю, потому что появляются они от случая к случаю, а я и сам не каждый день здесь.

Всё указывает на то, что sXe является одним из атрибутов принадлежности к более высокой ступени молодёжного Правого движения по сравнению с обычными скинами. Именно здесь, при полном самоконтроле, в среде ясных сознанием и полных решимости, силы и ненависти, скинхэды и фанаты превращаются в НС революционеров, создают боевые террористические организации, наносящие системе действительно чувствительные удары.

Дизель и Шайба присели рядом с нами и рассказали, как вместе с несколькими другими соратниками завалили прогуливающих пейсатых жидов. И это хорошо...

* * *

Так в Корпорации принято, что хотя бы раз за лето сотрудники выезжают на природу, развлекаются всячески, пьют и жрут. Я всегда старался уклоняться от подобных мероприятий, но на этот раз был запланирован пейнтбол, что я давно хотел опробовать, поэтому поехал.

В субботу утром сбор у здания Корпорации, прыгаем в служебный автобус и едем за город на базу. Там стоят столы, делается шашлык, многие приложились к водке и рассуждают о всякой хуйне. Потом надеваем поверх одежды камуфляж, до этого побывавший на телах сотен игроков, надеваем шлемы, берём ружья, засыпаем в них шарики с краской. Делимся на две команды.

Всё происходит на огороженной сеткой территории, где между деревьев торчат разные постройки, начиная от дома без окон, заканчивая детским теремком. Обычно противоборствующие команды расходятся на разные края этой территории под руководством инструкторов, а потом по свистку ломаются занимать укрепления и позиции, либо просто бегут на оппонента и палят во все стороны шариками с краской. Играют до последнего, либо какая команда выполнит определённое задание, например захват флага.

Я вообще первый раз играю в эту игру. Вот бежим по свистку, а вокруг уже шарики об деревья разбиваются, оставляя разноцветные кляксы. Перебегаю от дерева к дереву, через мутный пластик шлема видно, что вроде в зелёном массиве леса происходят какие-то движения, но камуфляж хорошо маскирует, а тем более я ещё не успел сориентироваться. Стреляю наугад. Противник! Но он опережает – лёгкий удар по груди и по мне стекает ярко-оранжевое пятно краски. И минуты не продержался, ебать-колотить! На войне уже был бы трупом! Я даже расстроился, покидая территорию битвы, не моё, думаю, призвание – воевать. Это тебе не на улице кому-то в лоб с трёх шагов стрельнуть!

Потом думаю, ладно, я же от армии успешно откосил, чтобы не проёбывать год, служа системе, а научиться этому всегда можно. Мы же наблюдаем положительный пример тренировок с оружием некоторых НС организаций.

Игра вторая – то же самое, только команды поменялись местами. Если при первой игре занять дом удалось нашей команде, так как он к нам был ближе, то теперь в доме точно будут противники. Мы решили, что я бегаю быстрее всех,

поэтому должен успеть добежать до дома, засев под окнами, прежде чем это будет обнаружено противником, а оттуда вести стрельбу из-за угла.

Свисток. Бегу. Под окнами. Рядом разбивается шарик. Хреновая позиция! Нырять за угол, а там два противника передвигаются, прячась за деревьями от шариков моей команды. Я на территории противника! Указательный палец работает часто, как может, здесь выстрелы одиночные. Вот один подбит! Второй прячется за деревом. Неожиданно чувствую удар в спину. Оборачиваюсь и вижу противника, высунувшегося из окна дома, который и подбил меня, и который сам сразу же был отмечен пятном краски – мечь за меня от Евгения, который ползёт в кустах параллельно мне.

Что ж, уже лучше. Хоть кого-то подбил, хотя опять недолго продержался. Сразу увидел, что дольше всех держатся те, кто не ломится на противника, а сразу забивается в укрытие, откуда и ведёт стрельбу. Но мне это кажется совершенно не интересным, хотя это и более разумно, но нет какого-то ощущения героизма.

Игра третья. На территории установлен флаг, который нужно захватить и установить на противоположной стороне, для чего вероятней всего придётся убрать всех противников. Не знаю почему, но флаг установлен отнюдь не в центре, а ближе к нашим оппонентам. Я это сразу понял, тем более бежать за ним мне – сам вызвался.

Свисток. Бегу, оставляя всех позади. Флага уже нет на месте, зато в меня врезаются добрые полсотни шариков, ещё сотни две пролетают мимо. Каждый оппонент ждал именно меня – того, кто прибежит за флагом, каждый от души пострелял в меня. Я всё равно успел пострелять «из последних сил», но вроде никого не задел. Некоторые оппоненты стреляли из укрытий с нескольких метров, и это оставило несколько синяков на моём теле – шарик бьёт сильно с близкого расстояния, а на излёте, уже через тридцать метров, ты его можешь и не почувствовать.

Никто бы этого не понял, но я остался доволен этой игрой. Это была возможность почувствовать себя камикадзе, смертником, человеком, который бросается грудью на амбразуру. Ну и что, если вы продержались в своих укрытиях на десять минут дольше? Всё равно флаг проебали. Я хотя бы отвлек на себя всю команду оппонентов, дал вам возможность занять позиции. Мы играем в войнушку. Ваша мечта – выжить, а моя – погибнуть в бою. Ну вот я и играю в это. Хорошо бы, конечно, погибать, унося с собой побольше противников.

Игра четвёртая. Так как команда оппонентов оказалась более опытной в игре, а у нас почти все играют первый раз, мы были «партизанами», занявшими укрепления, а оппоненты должны были «зачистить» территорию от нас. Все из нашей команды разошлись по домам-теремкам, я же решил встретить оппонентов первым.

Свисток. Я лежу за небольшим земляным валом. Противники заходят на территорию и сразу рассредоточиваются, а я сразу начинаю их отстрел. Они тоже меня видят, и добрая половина из них уже не дают мне высунуться над валом. Я переползаю с одного края на другой, высовываюсь, стреляю. Так, подбит мой начальник! Я реально их сдерживаю! Едва успеваю пригнуться, как надо мной

полсотни шариков отскакивают от земли. Высовываюсь в другом месте и опять стреляю. Да тут и не успеешь разглядеть, попал или нет, приходится сразу прятаться. Вся земля вокруг уже в краске. Высовываюсь в очередной раз, и шарик разбивается об мою маску. Я не вижу ничего, кроме кислотно-розового пятна перед глазами. Можно считать, что это смерть. Я поднимаю маску и покидаю территорию, подняв руку с оружием вверх, чтобы все видели, что я вышел из игры, а второй рукой прикрывая лицо от шального шарика.

Территорию оппоненты зачистили, несмотря на то, что некоторых долго пришлось выкуривать из укреплений. Главное здесь – опыт.

Игра пятая, последняя. Просто пока всех не перебьют. Если шарики кончились – покидаешь территорию. А шариков к пятой игре осталось немного.

Свисток. Бегу, зная, что оппоненты видят меня так же, как и я их, зная уже их возможные действия. Стою за избушкой, дальше не сунешься, всё на виду. Ага, вон он ползёт, чудак, думает, что его не видно. Он-то лежит, а я стою и вижу его сверху, несмотря на папоротник. Несколько шариков, и он покидает территорию. Рядом со мной за избушкой Андрей. Я говорю ему, прикрой мол, я перебегу до того теремка. Так и делаем. От теремка подбиваю второго, прячущегося за деревом. А вон ещё один! Нажимаю на курок. Ёбана, шарики кончились! Бегу обратно за избушку, чуть не попав под шарик. Прошу у Андрея отсыпать шариков. Он отсыпает. Снова в бой! Побежал вперёд, подбил ещё одного, растратив на него немало шариков, а потом они опять кончились. Ушёл с территории так и не подбитый.

Короче, хорошая игра, ради неё стоило ехать. Потом, правда, не интересно было, все нажрались, раскурили кальян, трындели о хуйне. Кальян меня вообще бесит, не столько из-за его вредности, сколько из-за его навязываемости. Их повсюду продают, у каждого придурка дома он есть, в меню почти каждого кафе теперь он включён. Так глядишь, через сколько-то лет скажут, что это Русский народный прикол, как это сделали с бутылкой водки. Мы знаем, кто этим занимается и зачем. Мы – Прямая Линия.

* * *

Идём я, Камень, Шварц и Васян. В последнее время часто случается ходить именно таким небольшим боевым отрядом. Так бывает. То какое-то время больше дел мутишь с одними людьми, потом какое-то время с другими, потом вдруг ради серьёзной акции соберутся шей тридцать, и после ещё некоторое время собираются большими компаниями, а зимой бывает и вдвоём с кем-нибудь ходишь, таким же замёрзшим и злым. Сейчас же вот в последнее время наиболее часто выражают готовность к ночным прогулкам четверо. Другие парни кто занят, кто просто так же в несколько шей ходят. Встретим их – объединимся. А случайные и бестолковые тусовщики нам в компании не нужны. Мы – сознательные носители Крови Богов, мы – разрушители системы, мы ненавидим быдло. Мы идём убивать.

Всем известно, что чем ближе к окраинам, тем больше гопоты в этих районах. Мы приехали вообще в самый дальний конец города, сначала из центра

на автобусе до вокзала, а потом на метро сюда, в район, славящийся криминальностью, еженощными драками и избиениями. Неформалы, если вынуждены ехать сюда по необходимости, одеваются в «максимально гопскую» одежду, чтобы снизить вероятность доёба. Гопы и хачи – вот кого вероятней всего ты встретишь здесь. А мусоров – нихуя почти что, поэтому и криминал. Все мусора в центре сосредоточены, фашиствующих молодчиков каких-то особо жестоких поймать пытаются. А молодчики-то вон куда уехали, где мусорам быть гораздо нужнее.

Просто идём четверо в надежде встретить цунарефов. Все вооружены только ножами. Мы просто хотим испытать себя. Нам ведь навстречу могут выйти и двадцать человек бухих малолеток с батлами в руках. И мы сможем узнать себя лучше, столкнувшись с серьёзной проблемой. Достойны ли мы считаться солдатами национал-социализма!

Мы идём вчетвером, двое спереди и двое сзади, изредка совершая своеобразную перестановку вокруг невидимого центра, как будто свастика, на лучах которой мы находимся, делает ещё одно движение в своём вращении.

В таких районах можно никому ничего и не говорить, сами подойдут и скажут. Вот и теперь кричат: «Эй, пацаны, куда пошли? Слышь? Стойте, я сказал!» И подваливают три придурка, которые вовсе и не крупней нас, но считают себя намного более крутыми, потому что от водки страх потеряли.

- Вы чё побежали, а бля? – гнусавит один из них. – Чё, не слышали, а? Вы кто такие ваще?

Не люблю тухлый базар. Ничего даже не говорю, просто отстраняю Камня и режу того урода вдоль по лицу. И ещё раз. Он то ли орёт, то ли мычит, из разрезов течёт кровь, он прикасается к ним руками. Его друзья орут «Бля! Бля!», как будто грачи каркают. Одному из них я бью ножом в живот, но глубоко не получается. Он отбегает, схватившись за порез. Все три гопника панически съёбывают, адски наложив в штаны. Им повезло, что мы просто хотим найти более серьёзную жертву. Убив их нам по любому пришлось бы покинуть район, а лица тут друг другу постоянно уродуют, из-за этого мусора напрягаться точно не станут, если им и заявят, что тоже вряд ли. Такие гопы предпочитают не связываться с мусорами, если даже пострадают, они лучше «пацанов подтянут».

Идём дальше. Через минут десять мимо проходит пьяная гоп-компания в пять рыл, злобно на нас смотрят, но ничего не говорят. Похоже, что не настолько пьяны, раз почувствовали, что не лохи идут.

Потом что-то долго никого не встречаем, полчаса вообще ни человека, только сплошные панельные девятиэтажки. Немудрено, ночь всё-таки.

Ночью иногда хочется погулять в одиночестве. Вот я и предложил парням разойтись по одному на все четыре стороны. Может хоть кто-то попадёт в экстремальную ситуацию и докажет себе, что он настоящий НС.

Выходим на достаточно свободное место, и там Васян закрывает глаза. Он раскручивается вокруг своей оси с вытянутой рукой, считает до восьмидесяти восьми в момент верчения и останавливается. Куда рука указывает – это его луч свастики. И все помнят, кто был на каком луче по отношению к Васяну. Куда луч указывает, туда и идёшь.

Так получилось, что я иду обратно в ту сторону, откуда мы пришли. Все знают, что нельзя возвращаться в то место, где что-то уже сделал, но я решил испытать судьбу. Парни разошлись на три стороны. Теперь каждый в четыре раза более насторожен и напряжён. А может и более, чем в четыре – когда идёшь вчетвером – не напрягаешься вообще, а одному ходить по такому району уже интересно.

Иду, по пути арка, которую мы уже проходили. Чем не люблю такие арки в домах, так это тем, что там либо вперёд, либо назад, поэтому встретить могут.

Захожу в арку, а навстречу резко из-за угла четверо прыгают. «Он, он!» - орут. Всё произошло в секунду, во вторую я уже чувствую острую боль в солнечном сплетении, потом вижу маленький ножик в руке одного из них и одновременно отпинаваюсь ото всех. Мимо моей головы пролетает батл. По животу течёт кровь, больно – вообще ад, но чувствую, что рана не глубокая. Хочется схватиться за рану, согнуться, но я достаю из ножен свой тесак.

Сабельным ударом сразу бью по руке того, кто держит ножик. Из пореза у него хлыщет кровь, а в это время я втыкаю нож в другого. Три удара и он валится. Проникающие ранения в брюшную полость. Опять к первому, да больше и не к кому, потому что на двух других произошедшее произвело столь дурное впечатление, что они уже с расстояния десяти метров орали «Ты охуел!» Первый взял свой ножик в другую руку, но нападать уже не спешит. Нападаю я. Схватив своей левой рукой его левую с ножом, я резко поднимаю её вверх и наношу правой рукой несколько ножевых ударов ему в бок. Потом делаю движение в сторону двух орущих, и они только пятками сверкают. Придурки, пришли меня встречать с одним ножичком и с бутылкой! Вот и результат – двое могут и не выжить, если скорая окажется отнюдь не скорой.

Я смотрю на свой нож, который весь красный. Небо уже светлеет, дело к рассвету. Оттираю нож об одежду лежащего и ухожу. Просто куда-нибудь подальше от этого места. Выходить на трассу, ловить машину до дома сейчас пожалуй опасно. Надо просто найти укромное место, посидеть, подождать, когда транспорт начнёт ходить. Прочувствовать произошедшее. И я могу это сделать, ведь сегодня суббота, можно спать хоть весь день!

Я нахожу лавочку в кустах, осматриваю свою рану и понимаю, что она неглубокая. Кровь остановилась, из разреза выглядывает вздувшаяся мышца. Ну, есть у нас один чел, который без проблем зашьёт. Недели две поболит, потом швы сниму и всё нормально. Не первый раз уже.

Сижу и смотрю на Утреннюю Звезду. Она говорит, что я поступаю правильно.

* * *

Мария, сотрудница из моего отдела, неожиданно навалила в декрет. Да, живот появился действительно как-то вдруг. Передала все свои дела мне, так как я, работая всего три месяца, своих дел ещё немного накопил. Зато теперь у меня их больше всех. И они самые проблемные. Разобраться во всей этой горе папок с бумагой и папок с файлами начальник предлагает за неделю. На самом деле

работы здесь ещё на три месяца. Дела Мария запустила, так как знала, что скоро её они волновать уже не будут, передала мне почти что хаос. Теперь звонят одновременно десять клиентов и требуют срочнейшего заключения договоров. Я в реальнейшем ахуе от свалившегося на меня объёма работы! Сижу до ночи, работаю, даже с парнями пересекаюсь для акций только в выходные. Уже особо и не радуюсь работе в Корпорации, но всё же надеюсь, что разгребу все дела, накоплю опыта, и работа пойдёт как по маслу.

* * *

Суббота, на улице ливень, выходить даже не хочется. Да и вообще дико устал за неделю, не было времени даже подумать о чём-то хорошем. Хочется позитива. Сейчас с кем-нибудь ходить под дождём по улицам – вряд ли даже врагов найдёшь, настроение точно не поднимешь.

Я понял, что мне нужно! Оживить представление об Идеале! Чередование рабочей суеты и ночных выбросов адреналина – это конечно хорошо, но так и внутренний стержень потерять можно, забыть про смысл борьбы.

Я вот не смотрю телевизор. Ну разве что когда две башни горели и падали, тогда смотрел. А так – ненавижу всю эту жидовскую пропаганду. Новости можно узнавать и в Интернете, а больше ничего и не нужно. Всё равно хорошего не покажут. Хорошее всё на компакт-дисках.

Лучший фильм всех времён и народов – «Триумф Воли». Это фильм про идеал, идеальное государство, идеальное общество. Фильм про Последнего Бога, чья Воля оказалась сильнее всего мира, который показал нам, как надо жить. Который погиб за это. Вот оно – истинное евангелие! Это действительно был Триумф!

Когда я смотрю этот фильм, каждый раз я испытываю глубокую радость, каждую секунду просмотра. Самый добрый фильм, самый честный. Постоянно вскидываю вверх правую руку, иногда даже вскакиваю от избытка эмоций. Каждое сказанное в фильме слово – истина. Прочувствовав этот фильм ты поймёшь суть национал-социализма.

Превосходнейшая музыка, замечательные виды, возвышенные типажи, ликующие толпы, обилие свастик и Адольф Гитлер. Всё это огнём горит в наших сердцах. Мы будем сражаться, и у нас будет свой Триумф Воли!

Досмотрев фильм я выглядываю в окно. Вспоминаю, в каком мире я живу. Ненависть против современного мира вскипает, а свастики, всё ещё стоящие перед глазами, напоминают, что мне есть, за что бороться. Сегодня мы, современные национал-социалисты, несём знамя со свастикой и мы должны установить его над всем миром. Система сама вынуждает нас проливать реки крови, и мы готовы проливать чужую кровь, чтобы спасти свою. Сегодня мы обязаны убивать, чтобы наши дети жили в лучшем мире, а не под гнётом системы. Мы убиваем, но это только начало. Новые революционеры готовятся крушить систему, это будет настоящая война. Победит сильнейший! Sieg Heil!

Небо расчистилось, солнце блестит в лужах. Я выхожу на улицу вооружённый и опасный.

* * *

Воскресенье. Надеваю белые джинсы, тёмно-синее поло с рубиновым значком Mercedes, и новые кроссовки. Вообще я большой любитель светло-голубых классических джинсов, которые только и ношу. В виде исключения есть одни белые джинсы для каких-нибудь праздничных случаев и пара чёрных – для траурных или чтобы крови не было видно. Сейчас повод располагает к белым – свидание. В связи с этим же беру с собой не тесак, а опасную бритву. Убивать я сегодня никого не собираюсь, но что-нибудь для самообороны всегда с собой надо иметь. Опаска легко убирается в кармане, совершенно не заметна. А большой нож неудобно с собой брать, да и рискованно – вдруг девушка начнёт тебя обнимать и нащупает его, потом объясняйся. Ну или мусора начнут лапать, они же все пидорасы...

Ну да, я же про хорошее начал, про девушку. Познакомился на неделе, прогуливаясь после работы по набережной, когда на меня налетела девушка на роликах, явно не умеющая кататься на них. Я подумал, что ролики – это хуйня та ещё, но взглянув на девушку забыл про это, расплылся в улыбке и сказал: «Блин... У тебя такая прям чисто Русская внешность, что я ваще дико рад! Держись за меня, я буду идти, а ты покатишься, а то ведь упадёшь!» Держаться она отказалась, но беседу поддержала и по её итогам сообщила номер своего мобильного. И немудрено: я тогда был в костюме и при галстукe, в модных солнцезащитных очках, с широкой корпоративной улыбкой, и конечно же сразу сообщил, где я работаю.

Да, она приняла меня за преуспевающего молодого обывателя. Возможно я и был бы им, если бы не был НС фанатиком. Был бы большим куском дерьма, овцой. К счастью боги зажгли во мне огонь, я здраво смотрю на мир и ненавижу обывизм. Я хожу в овечьей шкуре только из желания поближе подойти к пастуху.

Приезжаю на условленное место, жду её. Ольга, а так её зовут, живёт в пяти минутах ходьбы от Корпорации. Вот, ещё один повод появиться здесь. Провожу теперь в этом районе большую часть своей жизни.

Вот она! Предлагаю направление, идём, рассказываю о Корпорации, а она о своей работе, что совсем не интересно, потом она спрашивает меня про хобби. Сказав ей, что хобби – это фигня, которой занимаются те, кому нечего делать, я осторожно поднимаю самую важную тему.

- Я очень патриотичен, кстати, - говорю. – Раньше я скинхэдом был, сейчас уже возраст не тот, но идеалы всё равно остались. Ты как относишься к патриотической молодёжи?

На самом деле мне пофиг, не испугается ли она. Я уже столько раз заявлял девушкам о своих взглядах и наблюдал совершенно разные реакции, что сознательно проверяю её на адекватность. Стоит ли вообще с ней общаться? Я совершенно не дорожу ей сейчас, если она среагирует негативно – я не расстроюсь. Я вообще предложил ей свидание, чтобы отвлечь мысли от суперкрасивой девушки Алёны из Корпорации, которая так улыбается мне, что ноги подкашиваются.

Так вот Ольга и говорит:

- Да нормально отношусь. Патриотизм – это хорошо, главное меру знать.

- Какую меру? – спрашиваю.

- Ну как скинхэды всякие, они же не знают меры.

- Знают, - говорю. – Спасение народа того стоит.

- Ну, может быть... - говорит Оля и затихает.

- Так ты чё о скинах-то думаешь?

- Ну, какое-то о них негативное мнение сложилось, их бандитами все считают.

- Кто все-то?! – охуюваю я.

- Ну по телевизору так говорят...

- Ха, - говорю. – По телевизору говорят то, что надо системе, против которой скины и выступают. А общественность в большинстве своём скинов поддерживает чисто морально. Это факт! Социологические опросы подтверждают!

- Ну не знаю, - говорит. – Они ведь грубые, жестокие и необразованные.

Поймав мой взгляд она добавляет:

- Это тоже из телевизора.

Я говорю:

- На самом деле это нормальные ребята. Я знаю нескольких, вполне добрые и образованные.

Так как разговор о скинах длился не более минуты, и настроение Ольги ещё не успело измениться, я начинаю трюндеть о другом, решив оставить эту тему на потом. А сейчас о здоровом образе жизни, об искусстве, ещё раз о Корпорации и множество прочих тем. Также расспрашиваю её, и в итоге она разговаривается так, что мне остаётся только идти и слушать.

Мы заходим в кафе, выпиваем по чашке чая, затем идём дальше. Вечереет. Уже на набережной мы находим свободную лавочку, садимся и смотрим на закат. Вокруг вьются мошки. Становится прохладно, я сообщаю о своём намерении согреться, прижимаюсь к ней и обнимаю. Минималистичным жестом она выражает согласие и продолжает рассказывать очередную историю из своей жизни, которых я выслушал уже наверное полсотни.

Солнце висит над горизонтом красным огненным шаром. В другой раз я бы наверняка был глубоко впечатлён им, что обычно происходит при созерцании небесных тел, но сейчас не до этого. Обнаружив, что Ольгина рубашка едва чуть-чуть выше ремня её джинсов, я тихонько приподнимаю её и прикасаюсь к Олиной спине. Она на долю секунды бросает на меня хитрый взгляд и продолжает беседу, как ни в чём не бывало. Ну всё, можно давать волю рукам, гы-гы!

Возвращаемся, уже совсем стемнело, проходим мимо Корпорации, подходим к её дому. Я предлагаю постоять. Стоим. Обнимаю. Целую...

... Ну всё, пора домой. До дома уже только пешком, автобусы уже не ходят, за час дойду. Только отхожу от её дома, как вдруг звонок. Ник говорит:

- Гангстер! Тут нереальнейшее дело щас будет! Давай к моему дому, все уже собираются!

Время час ночи. Завтра на работу. Но отказаться я не могу, такой звонок обещает мощный выброс адреналина, в сравнении с которым блекнут любые впечатления от любых девушек!

* * *

Есть один чиновник, а заодно и генеральный директор крупной финансовой организации, которая постоянно взаимодействует с нашей Корпорацией. Я лично с ним общался на деловых встречах, хотя конечно я там присутствовал как исполнитель, просто чтобы быть в курсе дел, а чиновник общался в основном с нашим директором.

Есть подозрение, что этот чиновник наполовину жид, но суть отнюдь не в этом. Общественности стало известно о рассматриваемом проекте областного масштаба, инициатором которого этот чиновник и является. Суть проекта: под предлогом того, что сельское хозяйство в области находится в плачевном состоянии, а продукты нужны, предлагается завезти в область несколько тысяч китайцев, чтобы они занимались сельским хозяйством, и построить для них новый посёлок. Говорят о каком-то экономическом эффекте.

Национал-социалисты из моих знакомых это даже не обсуждали, и так всё понятно. Если гуков таки завезут, будем ездить в их посёлок с охотничьими ружьями. Но лучше вообще не допустить этого, и возможным решением проблемы видится убийство чиновника.

А тут как раз Камень обзавёлся стволом. Теперь у нас два пистолетчика: Гангстер, то есть я, и Камень. Решили сработать в паре.

Мне не составило труда узнать где живёт этот чиновник и где место его работы – в Корпорации есть сведения обо всех, с кем она имеет дело. Парни устроили слежку в этих местах и через неделю сообщили примерный график его переездов.

И вот вечером мы с Камнем сидим в джипе с тонированными стёклами, припаркованным рядом с домом чиновника. Это намного приятней, чем сидеть в кустах. Правда мне не нравится, что сзади сидит цунареф с перерезанным горлом. Но не выкидывать же его на улицу, а то сразу внимание привлечёт. Джип принадлежит ему, вернее раньше принадлежал. Да и вообще, он куплен на деньги, украденные у Русского народа, так что мы как минимум восстановили справедливость.

Как ждали, описывать не буду, одно скажу: не знаю как Камень, а я специально ударился в метафизические размышления, чтобы не нервничать. В основном молчали. Все трое, гы-гы.

И вот подъезжает машина чиновника и останавливается перед воротами в подземный гараж. Мерседес с тонированными стёклами. Ворота начинают подниматься, видимо управляемые дистанционно.

- Бля, - говорит Камень. – Походу не получится.

Но тут чиновник вылезает из задней дверцы, а из другой ещё один чел. Машина заезжает в гараж, в ней водила, а чиновник с челом стоят, раскуривают сигаретки.

- Хуй знает, кто это с ним, - говорю. – Может телохранитель, может друг просто. Ну чё, пошли поздороваемся? Чиновник чур мой!

Камень кивает с серьёзным лицом, и мы выходим из машины. Эй, цунар, пока, приятно было пообщаться! Эти двое к счастью смотрят в сторону, поэтому у нас есть несколько секунд, чтобы подойти, а они не успели испугаться, что мы в масках. Маска необходима, потому что если вдруг чиновник выживет, увидев моё лицо, он доставил бы мне проблемы. Быстро и решительно подходим, они оборачиваются, мы достаём пистолеты.

Выстрел, гром, тело на земле, кровь и мозги. Через секунду второй выстрел, ещё один гром, друг прилёт рядом с чиновником – это сработал Камень.

А дальше бежим, но не как всегда по тёмным улочкам, а по самым что ни на есть элитным, где сотни камер повсюду. Но мы в масках, одежда на нас на три размера больше. При первой возможности ныряем в проулок, скатываемся по крутому склону, несёмся по загаженному оврагу.

Я более чем уверен, что завтра нас покажут по телевизору.

* * *

Показали нас уже ночью. Экстренная, поебать, новость. Возможными причинами убийства чиновника назвали две: его профессиональная деятельность и акция неонацистов. Сказали, что он был хорошим семьянином, двое детей остались. Сказали о том, сколько он сделал для экономического развития области. Про проект с гуками и не вспомнили. А вот мы с Камнем бежим: маленькие, чёрно-белые. Ну, по таким фигуркам распознать кого-либо невозможно. А вот труп цунарефа, brutальные кадры. Но труп чиновника почему-то не показали. Ещё сказали, что ведутся активные оперативно-следственные мероприятия, есть подозреваемые.

Я не спал всю ночь. Радовался тому, какое важное и заметное дело я сделал. Беспокоился, не вычислят ли нас, постоянно выглядывал в окно, нет ли там ментовской тачки. Прослушал первые два альбома Immortal – под настроение.

Под утро часок всё-таки подремал, и вот будильник ебошит по ушам. Я встаю какой-то неадекватный, вспоминаю, что сделал, думаю, а вдруг в Корпорации-то меня и возьмут? Идти туда совершенно не хочется, но надо. Надо изображать, что всю ночь спал и вообще ничего не знаю.

Чтобы взбодриться залажу в холодный душ. Чтобы не заоченеть активно растираюсь, выбивая сильными локтями синие плитки из плачущих ледяной водой стен. Пою песни, выкрикиваю лозунги, в итоге, когда имитирую даже не оратора, а отвечающую ему толпу, заорав во всю глотку, в ванную врывается брат и орёт:

- Ты чё, с ума сошёл, придурок?! Весь дом решил разбудить?!

* * *

Недосып случается не только из-за ночных акций. На прошлой неделе, например, была суперважная и суперсрочная работа. Сидел в кабинете до десяти, потом пришёл охранник, сказал, что после десяти в здании Корпорации находиться запрещено. Доделывал работу дома. Полчетвёртого скинул все файлы начальнику на мыло, о чём известил его смской. Сейчас-то он спит, думаю, только утром посмотрит. Сам я спал в ту ночь два с половиной часа.

Если забить на это, сказать, что не справляешься, то не видать тебе карьерного роста. А то ведь найдут причину и уволить.

И в выходные приходится иногда работать. В воскресенье можно спокойно разобраться с делами, потому что в будни это почти невозможно: невероятная деловая суэта, постоянные телефонные звонки с утра до ночи.

Во время работы совсем теряешься, забываешь, кто ты такой. Я решил найти место в Корпорации, где можно уединиться минут на пять, подумать. Разумеется, не в туалете, там вонь такая, что хоть святых выноси! И я нашёл такое место. В Корпорации несколько лестниц от первого до десятого этажа, и если по центральным постоянно снуёт народ, то по боковым весьма редко. И чем выше, тем меньше, всё-таки предпочитают лифтом пользоваться.

Я поднимаюсь по боковой лестнице до десятого этажа и смотрю вниз сквозь стеклянные стены. Все улочки исхожены, истоптаны. Вон там мы с Ольгой обычно гуляем, а с парнями через те дворы ходим. А вон в том дворике я год назад эрэнбишнику башку кирпичом проломил. А там, за деревьями, хачей валили весной. Всё как на ладони! Внизу ходят люди. Везёт им, идут куда хотят! Я вот не могу сейчас пойти куда захочу. Работа – это тюрьма, которую выбираешь себе сам. Я уже начинаю задумываться, нужно ли мне это.

Да, ещё расскажу про реакцию на убийство чиновника: в Корпорации, разумеется, отнеслись к нему крайне негативно. Вспоминали, какой он был умный и душевный, говорили про убийц: «звери», «нелюди», «нехристи».

Эти две фигурки убийц, которые показывают по всем каналам. Сейчас мне кажется, что это был кто-то другой. «Нелюди» - это точно. Посланцы из другого мира, ангелы, Воины Света!

* * *

Встречи с Ольгой всё менее интересны, несмотря даже на физическое сближение. Она – обывательщина на все сто процентов и того же хочет от меня. Понятно, что никакого чувства во мне это пробудить не может. И она чувствует это, догадывается, что на самом деле безразлична мне.

Вчера я позвонил ей на сотовый, просто узнать как дела. Она на роликах. Говорим минут двадцать наверное, я заебался уже даже, как вдруг связь обрывается. Ну перезвонил, а абонент недоступен. Ладно, думаю, перезвонит. Не перезванивает, хотя мне через час пришло сообщение, что абонент появился в сети. Ну всё понятно, типичный женский приём, проверочка.

А я уже забыл про неё...

* * *

Середина июля, жара такая, что выйдя на улицу во время обеда через пять минут становишься весь мокрый. Поэтому многие сидят в офисе, где кондиционер. Но меня так заебал этот офис, что я рад любой возможности побыть вне его. Выхожу, время хватает как раз дойти до заброшенного стадиона, пройтись по нему кругом и вернуться. Я надеваю наушники, в телефон залит альбом Коловрат «Национальная Революция», и гуляю по стадиону, на это время полностью забывая о работе.

Мне на самом деле нравятся все альбомы Коловрат в равной степени. Сейчас я слушаю «Национальную Революцию», потому что я некоторое время не слушал его, увлекаясь новинками, и теперь, немного подзабытый, он будит во мне воспоминания о событиях нескольколетней давности, когда я ходил с бритой головой, был скинхэдом на все сто. Это ностальгия, я горд тем, каким я был тогда. Я рад вспомнить то настроение, и этот альбом помогает мне вспомнить его. Сейчас очень важно поддерживать такое настроение, когда внутри идёт борьба. Это борьба корпоративной единицы и участника НС сопротивления. Многие ли ставили над собой такие эксперименты? Я хочу помнить о том, кто я такой, всегда, а не только ночью и по выходным. Да в последнее время и ночью-то не до сопротивления, лишь бы до дома добратся и заснуть.

Коловрат – культовая группа, легенда. Сейчас их альбомы найти очень непросто, запрещены, а ведь помню, было время, когда они были во многих музыкальных ларьках. Система знает, что опасно для неё!

«Национальная Революция» - первый альбом группы, если не считать двух демо. Вторым альбомом – «Кровь Патриотов». Эти два альбома пожалуй наиболее легки для восприятия музыкально, обычно я даю послушать именно их тем, кто раньше не слушал такую музыку. Это музыка скинхэдов в её лучшем виде.

«Национальная Революция» у меня есть и на кассете, первый тираж, буклет из белой мелованной бумаги, на обложке три немца с германского плаката. Потом этот альбом издавался в другом оформлении, которое известно большинству: на цветной обложке изображены солдат, скинхэд и богатырь. Я помню, брал свою кассету на концерт Коловрат, хотел, чтобы Денис поставил на ней автограф, но на концерте забыл про это.

Это было в апреле 2001 года, Коловрат приехал в наш город. Помню, Денис был бритый и с бородкой. Скинов полный зал, слэм жуткий. Это был мой первый концерт такого рода, он произвёл большое впечатление. До сих пор помню, как встретился с Денисом взглядом, когда он был на сцене. А чё, у меня был именно тот возраст, когда люди склонны находить себе кумиров...

Потом вышел альбом «Девятый Вал White Power» с перепевками композиций западных групп. Это хороший ход, я вот раньше вообще ничего не слышал из западного RAC, да и сейчас только альбомы Landser, да ещё пары групп смог раздобыть. Тоже интересно, хотя мне хватает и музыки Русских групп.

Альбомы «Эра Правой Руки» и «Пробивая Молотом Дорогу к Победе» выдержаны в более жёстком ключе, быстрые и тяжёлые, хотя баллады тоже есть. Мне не особо нравится, что в некоторых песнях просто невозможно разобрать

текста, если не смотреть в буклет, такая скороговорка, и уж тем более не подпоёшь. Но зато идеологически песни стали настолько продуманы, что вряд ли вскоре хоть одна группа достигнет этого уровня. Да и просто музыкально альбомы более чем хороши. Да чё рассуждать, Коловрат всегда были лучшими, просто слушайте их!

«Узник Совести» я приобрёл едва ли не на следующий день после того, как меня самого выпустили из мусорской, подруга выкупила за пять сотен. А ведь могли и посадить – гопника ножом порезать – это вполне серьёзно. Но мусора предпочли набухаться, чем сажать нормального парня, случайно попавшего в хуёвую ситуацию – именно такую картину я тогда им представил.

«Узник Совести» - самый тяжёлый альбом, почти металлический. Я не стал бы называть это музыкой скинхэдов. Это музыка национал-социалистов. В песнях «Тотальная Война» и «Третий Путь» вся суть идеологии, бескомпромиссность, смерть системы. Альбом вышел, когда лидер группы Денис находился в чешской тюрьме, все знают про этот факт.

От «Национальной Революции» к «Узнику Совести». Развивается группа, развивается и движение. От тусовки скинов, любителей драк, футбола и пива к серьёзным НС организациям, партиям, БТО, сторонникам «Прямой Линии», людям, готовым отдать свою жизнь ради своего народа, ради национал-социализма. Всё больше Героев, одних мы знаем, а другие пока неизвестны.

«Коловрат над всем миром» - это было спето ещё на первом альбоме. Так оно и будет, потому что мы победим!

* * *

Пятницу жду как праздник. Вернее вечер пятницы. Вся ночь твоя, хоть до утра бодрствуй. Какой уж тут распорядок дня! Так иногда и получается, в шесть утра приходишь домой, вроде спать надо, но адреналин мешает заснуть, например после того, как собравшись щей в двадцать врывается в ночной клуб и валит недочеловеков.

И вот очередная пятница. Я выключаю свой рабочий компьютер, а вместе с ним тот участок мозга, где собраны все мысли о работе. Еду домой, ужинаю, переодеваюсь и еду к Нику в автосервис. Он скоро тоже должен закончить, переодевается он прямо там.

Подъезжаю. Оба-на, Боб здесь! Я его с того самого раза, когда антифу валили, больше не видел.

- Здорово, Боб! Ну чё, опять кого-то тавой-то надо?

- Ха-ха, да нет, - он жмёт мне руку. – Дело одно есть. Кстати, ты-то наверное и сможешь помочь.

Мы стоим перед автосервисом, рядом никого.

- Базарь, - говорю.

- Ствол нужен. Поможешь достать, а, Гангстер?

- Рад бы, - говорю, - да не всё так просто. У меня у самого связей вообще никаких в этом плане, я через соратника одного брал. Не знаю, сможет ли он тебе помочь, у нас желающих тоже много, типа очередь уже.

- Познакомишь с соратником-то?

- Да, – говорю. – Пойдём ещё с Ником это обсудим. Кстати, знаешь чё! Кто-то из питерского БТО говорил, что мусора – это бездонный колодец с оружием. Я давно об этом думаю.

Тут из автосервиса выходит Ник с ведром и выливает на тротуар воду.

- Здорово, парни! – говорит. – Ебать, трубу прорвало!

Мы заходим внутрь, идём мимо машин и запчастей и видим, как из-за стены течёт вода.

- А где труба-то? – спрашиваю.

- Да за стеной! Это типа дээспэ поставили, чтобы труб не было видно. Вот сбоку загляни.

Я заглядываю, но ничего не вижу, только слышу, как течёт вода. Там темно, трубы едва видно.

- Сантехников вызывай, - говорю.

- Вечером в пятницу хуй ты кого вызовешь! – говорит Ник. – Нигде трубку не берут, в одно место только дозвонились, а там бухие в кал!

- Страна бухает! – говорит Боб.

- Быдло бухает! – говорю я.

Ник всё куда-то звонит, мы с Бобом ходим туда-сюда, общаемся. Через полчаса подъезжает Тарас. Это парень вообще с другого конца города, но постоянно ездит сюда. Он работает в рекламном агентстве. Хорошо владеет фотошопом и подобными программами, использует их для создания плакатов, листовок и, судя по слухам, собирается выпускать свой журнал. Я видел его плакаты, впечатлило. «Да здравствует могучая авиация страны национал-социализма!» - над просторами Антарктиды зависли летающие тарелки с крестами, идея взята с известного советского плаката Добровольского. «Крест» - с левой стороны уходит вдаль решётка, с правой – ящики с водкой, верхние и нижние линии решётки и ящиков смыкаются где-то за спиной человека, у которого на груди нарисован крест, как бы продолжающий линии. Из-за решётки к водке тянется немощная рука, но до водки не достаёт. Ещё один плакат – «Половые губы» - белый матрос драит палубу негром как шваброй, прямо его большими губами. Тут уже не только фотошоп, но и художество.

Сам Тарас парень агрессивный и развитой. Всегда интересуется моей работой в Корпорации и в отличие от многих понимает, что я ему рассказываю. Любит всякие головоломки и необычные задачи. Любит биться на кулаках, потому что занимается самыми разными единоборствами, но и от ножа не отказывается.

В общем-то ждём только Ника, а он выносит ведро за ведром каждые пять минут. Приезжает какой-то мужик, администратор походу, тоже куда-то звонит. Потом приходят два сантехника, пьяные настолько, что едва на ногах стоят и двух слов связать не могут, вообще без инструментов. Администратор, Ник и сантехники начинают скандалить между собой, а я, Боб и Тарас прикалываемся над ними.

Короче Ник остался там на ночь, чтобы не затопило, так как сантехники ничего не сделали, да и не в состоянии были.

А мы втроём идём по ночной улице, готовые ввалить пиздюлей кому угодно, а если надо и убить. Крепкие Русские парни, улицы принадлежат нам!

* * *

В Корпорации очередные изменения. Наталья, девушка из отдела, единственная, кто показывал хоть какие-то человеческие чувства, уволилась. Перешла на работу в конкурирующую корпорацию, вероятно не выдержав нагрузки. Теперь в отделе остались только неприятные мне люди, никакой поддержки. Наталья, единственная, кто на самом деле искренне помогала мне, подсказывала, не думая обо мне, как о конкуренте. Всё, больше её не будет здесь. Она заявила о своём уходе и ещё две недели отработала, как положено по трудовому кодексу. За эти две недели начальник нашёл нового работника. Ну то, что начальник мудака, я уже догадался, но блядь, взять к себе в отдел жид! Да, поебать, молодой еврейчик двадцати шести лет, крайне рационалистичного склада ума, абсолютный материалист, типичный представитель своего уёбищного дерьмового клоачного народа. Урод, что видно по его лицу. Конечно, он кажется очень умным, триндит на финансовые темы, как будто всю жизнь только этим и занимался. Да в общем-то так оно почти что и есть – он заявил, что его хобби – фондовый рынок, биржа, что, как всем известно, есть высшее воплощение жидовства. Этот жид пришёл и сразу сказал: «У меня есть квартира, есть машина, есть семья, есть деньги. Мне нужна только карьера. Если через три года я не стану начальником, то уйду отсюда». Вот так открыто и заявил. И ведь это не пустой базар, у него есть реальный опыт работы, так что он сразу входит в суть дела в отличие от многих, которые первые месяцы три только адаптируются. Я работаю здесь уже четыре месяца, поэтому вижу, что жидяра-то конкурент серьёзный. Обойдёт любого что плюнет!

Я конечно же не показал никак, что меня это хоть как-то задело. Я вообще из тех, у кого внутри могут происходить любые катаклизмы, но внешне это никак не проявляется благодаря самоконтролю. Когда национал-социалист вынужден жить в мире, где все против него, он учится скрывать свои чувства, он учится улыбаться, когда ему больно. Это не лицемерие, это маскировка. Ты знаешь, что когда-то ты будешь расстреливать их всех и не дрогнешь. Когда их тела будут падать в холодную яму, полную таких же тел, дымящуюся от их тепла, потому что они не успевают остыть, когда вся яма наполняется до верха тысячами тел. Тогда любой человек сойдёт с ума. А сверхчеловек, бог, он не дрогнет, для него это ничего не значит, кроме работы. Никаких чувств. Никаких чувств – это совершенно естественно. Это правильно. Люди заражены любовью. Что это, зачем это? Последствия христианства? Жидовская пропаганда? Ненависть, и только ненависть сможет уравновесить состояние души человека. Плюс на минус – и вот никаких чувств, ты мыслишь беспристрастно как бог. Ты делаешь то, что делает бог. Ненависть – вот что нужно для пробуждения. Убить любовь! Арийская ненависть!

Убийство – это то, для чего ты появился в этом мире.

Эй, парни, что это я вам тут гоню? Ну да, одна обывательская, пусть и приятная девушка уволилась, жиды взяли на её место. Ну да, работаю я так, что даже стал вникать в проблемы клиентов, а не только своей Корпорации. Да, я записал в свой блокнот заметку: «Не допускать работу в личную жизнь!» Да, я заебался! Ну... Блин, может быть я своего рода эксгибиционист, который только не тело своё показывает, а свою душу выворачивает перед вами, вот и сейчас наговорил тут всего. Но по крайней мере мне есть чем и гордиться – это моя борьба, про которую я тоже сказал.

Национал-социализм – единственное, ради чего стоит жить и действовать. А иначе этот уёбищный мир был бы совсем невыносим. Не было бы смысла жить.

Смысл жизни – национал-социализм!

* * *

Суперкрасивая девушка Алёна долго не давала мне покоя. Когда я перестал встречаться с Ольгой, она снова стала для меня объектом влечения. Её сногсшибательные улыбки... А когда она идёт перед тобой вверх по лестнице в своей короткой юбочке... Голову теряешь запросто!

Да чё тут, ладно бы я один, так ведь все мужики от неё охуевают. Уже несколько раз оставшись в чисто мужской компании обсуждали её. Даже её начальник, я видел это, семенил за ней, открывал перед ней двери, любезничал, как будто начальница наоборот она.

И я увидел, что улыбается она не только мне. Что прикасается как будто случайно не только ко мне. И все готовы делать за неё её работу, мне кажется, что некоторые и делают. Алёна просто пользуется своей красотой, возможно она именно так и сделает свою карьеру. Нам улыбается, а с директором может и перепихнётся...

Мне стало немного горько. Я взял бумажку и написал на ней:

«Нет! И жид может воплотиться в красивой оболочке. Но это не та красота. Это ловушка Демиурга. СМЕРТЬ.»

Прочитал, порвал и выкинул в ведро. И так запомню...

* * *

Пострелял вроде немного, а вот уже один патрон остался. Я решил потратить его на одного мусорка, которого взял на примету, чтобы потом забрать его пистолет, тем самым возобновив свои боевые возможности.

Мусоров следует убивать не только для этого. Во-первых, они – солдаты системы, которые уполномочены даже убить тебя, поэтому наиболее опасны из всех врагов, с которыми обычно сталкиваешься на улице. А во-вторых, АСАВ! Я ненавижу мусоров!

Покажите мне хоть один официальный пример, освещённый в СМИ, что мол «милиционер Вася Пупкин был тайным национал-социалистом, содействовал скинхэдам в преступлениях, проявлял невероятную жестокость к задержанным

представителям небелых народностей». Может только тогда я попробую пересмотреть свой взгляд на мусоров, а сейчас призываю их убивать и забирать их оружие.

Ну и вот, хожу с одним патроном в стволе, который таскаю с собой, надеясь совершить задуманную акцию сегодня вечером. А так может и другой удобный случай подвернется!

Погода стоит мрачная, моросит мелкий дождик, небо серое, беспокойное. Я стою в воротах рынка, жду знакомого чела, который пошёл туда купить какую-то хрень. Сам я не пошёл, чтобы не проблеваться от хачей, которые повсюду. Стараюсь не смотреть на них, мечтаю об их смерти.

Бывают же такие совпадения! Бля буду, реальный случай! Стою, в небо смотрю, вдруг на рынок влетают скины лет так семнадцати-восемнадцати, шей пятнадцать, и давай всех валить! Трёх хачей сналёту положили, аргументы сверкают. Я охуел, подумал, как бы не попасть под раздачу совершенно случайно, а потом вскинул правую руку и заорал: «Слава Руси! Россия для Русских!» Один из скинов отсалютовал мне тоже, а вокруг месиво идёт, всё смешалось, хаос, шум, ор, хачи разбегаются, другие валяются в крови. Судя по звукам и движениям масс другая группа скинов орудует у другого входа на рынок. Хорошо бьют, эх хорошо!

Вдруг вижу, что на место побоища рвутся чурки с немаленькими ножами. Сейчас положат Русских парней! Я выхватываю пистолет и стреляю в чурбана с ножом.

После звука выстрела все замирают на несколько секунд. Хачик отлетает в грязь с пробитым грудом, а я натягиваю толстовку на нос. Все оглядываются и видят меня с пистолетом. Чурбаны прыгают под прилавки, а скины бегут на выход. Прошло не больше минуты наверное после того, как они ворвались сюда.

Я бегу за скинами. Думаю, что надо бы с ними пообщаться. Вот они, совсем молодые, бегут впереди. Неожиданно они рассыпаются во все стороны, теряются во дворах, и я остаюсь один.

Смотрю в серое небо. Почему-то беспокойно внутри. Может быть потому, что потратил патрон не на то, что хотел? Нет, ведь всяко спас кого-то от ножа. Вроде и не пропалился особо. А может я просто понял, каким я уже взрослым и серьёзным дядькой стал по сравнению с этими парнями? Сегодня двадцать три, потом больше, а приближения Революции всё не видно. В их возрасте я был полон оптимизма, верил, что скоро победим, особо не заморачивался, в общем, хорошее было время. Если подумать, тогда я прятался от жизни за родителями, хотя ни за что не признал бы этого.

А сейчас лицом к лицу с системой. Все ненавидят меня, и я ненавижу всех, и все скрывают свою ненависть до поры до времени. Как легко может система уничтожить меня, и как трудным кажется мне уничтожить систему.

Думай и действуй, действуй и думай. Быть просто гангстером недостаточно. Подумай ещё, что же такое надо сделать, чтобы СЛОМАТЬ СИСТЕМУ. И сделай это!

* * *

Есть такое правило преступников: никогда не совершай преступление в своём районе. Помни про него, ведь в условиях господства системы ты совершаешь преступления по отношению к ней.

Я совершил глупость, отказавшись от этого правила. Слишком уж заманчивой была возможность завалить мусорка, про которого знал так много. Но обо всё по порядку.

Гига – так его прозвали в школе. Он был одним из самых зачмыренных, постоянно получал пинки и подзатыльники, терпел оскорбления. Он учился в параллельном со мной классе. Я с ним ни разу даже не общался, но знал, что он чмо, потому что видел, как к нему относятся другие. Вся школа знала, что он чмо. Ещё его называли Толстый. Когда училка спросила у одного гопника-ученика: «Ну что ты его унижаешь, разве так можно?!», указывая на зачмыренного Гигу, гоп ответил: «Он создан для унижения!»

Сейчас этот гоп, как и некоторые другие мелкие уголовники с района, поддерживают с Гигой приятельские отношения, по вечерам вместе пьют пиво. Он видимо доволен, что теперь его уважают, хотя на самом деле это не так, с ним общаются, потому что он мусор, он может пригодиться. И это не единственный подобный случай.

Он возвращается с работы уже почти ночью, всё время по одной дороге. От остановки до дома, иногда встречает по пути местную гопоту и сосёт с ними пиво. Я не выслеживал его, просто увидел, потому что сам живу здесь.

Я хотел сначала застрелить его, но теперь пули нет. Но я и с ножом дружу.

Прошёл нехилый ливень, но к нужному времени закончился, поэтому я вышел и сейчас стою в темноте под деревьями. В августе темнеет уже раньше, и это хорошо. Прохладно. А вот и он, этот жирный придурок!

Идёт один. Я за ним, но не по тротуару, а по мокрой травке под деревьями. Пока надо быть незамеченным. Проходим дом, другой, и доходим до удобного дворика. Я ускоряю шаг. Всматриваюсь в темноту. Вроде никого нет. Натягиваю снизу на лицо чёрный платок. Догоняю.

Он оборачивается на шаги, а я брызгаю ему в лицо из газового баллончика «Шок», который держу в левой руке. В правой – нож, который втыкаю ему в живот, и одновременно толкаю его в сторону, чтобы самому не находиться в облаке газа. Ах ты к пистолету тянешься, сука! А вот тебе нож в горло! Он даже не орёт, видимо газ хорошо сработал. Он заваливается, а я бью ножом как швейная машинка, режу его жиры. По нервам бьёт совершенно неожиданный крик какой-то баба: «Эй, чё делаешь! Милиция! Гоша, милицию вызывай!»

Я расстёгиваю окровавленную кобуру и достаю пистолет. Я в перчатках. Я сразу бегу изо всех ног, оставив там валяться ещё не подошедшую до конца живучую тушу.

Бля! Я на своей улице! Разъебать! Бегу с ножом и пистолетом в руках. Бегу в сторону, противоположную моему дому. Какой-то обыватель впадает в ступор, увидев меня. Я всё ещё в маске. Преодолев несколько дворов спускаюсь в овраг.

Овраг тянется параллельно всей улице и отделяет её от другой улицы. В нём сплошные огородные и садовые участки, сарайчики, малюсенькие домики, в

которых никто не живёт, тропки, заборы, грязь, шприцы с кровью, сырость, колючая проволока. Всё это изучено ещё в детстве.

И вот я иду по известной тропке через весь овраг, увязая в грязи. Пройдя весь овраг вдоль я окажусь у своего дома, там главное обойти его и дойти до подъезда. Взбираюсь вверх весь испачкавшись, подбегаю к дому. Выглядываю из-за угла – спокойно.

Иду непринуждённым шагом, как вдруг из машины, стоящей у моего подъезда, вылезает мужик. Я останавливаюсь. Всё оружие спрятано под одеждой, платок с лица снят. Между нами метров двадцать.

- Эй ты, иди сюда! – говорит он.

- Чё надо? – спрашиваю.

- Подойди, я сказал!

- Да пошёл ты!

Я разворачиваюсь и иду назад.

- Стоять, милиция! – орёт он.

Я бегу.

- Стой, стрелять буду!

Я достаю из-за ремня пистолет и сразу стреляю назад не целясь. Вижу, что он прыгает за машину, а в руке у него ствол. Я скрываюсь за углом.

Сразу опять в овраг, перелезаю через забор, бегу по грядкам, кровь бьёт молотом по ушам, сознание изменено. Это уже не я, а зверь, волк. Дышу часто, сжимаю пистолет в руке, перемахиваю через заборы, напарываясь на колючку, падая в грязь. Слышу мусорскую сирену. Блядь, они наверняка окружат весь овраг, не выпустят меня!

Я прижимаюсь к сарайчику, весь мокрый и грязный. Стараюсь сдержать дыхание. Сирены уже не слышно, потому что они уже близко. Куда?! В какую сторону?! Что делать?!

Я замечаю какое-то шевеление среди деревьев. Замираю, направив туда ствол. Тень стоит. Вокруг лают собаки, они чувствуют меня. Чувствуют убийцу, запах крови, опасность. Лай такой, что ничего больше не слышно! Да заткнитесь же!

Тень вдруг резво метнулась в сторону. Блядь, это тоже собака! Я не знаю, что делать дальше. Ну не стоять же! Перебегаю участок, опять перелезаю через забор, и так ещё много раз. Снизу по колено всё в грязи, полные кроссовки жижи. Я весь в репьях, ободравшийся об колючую проволоку. Но я намеренно иду не по тропкам, а по самым непроходимым местам.

Всё, последний забор. Спрыгиваю в бурьян, продираюсь сквозь него. Дорога уже рядом. Главное – перебежать через неё, добраться до кладбища, а там видно будет, можно подумать.

Смотрю из бурьяна, по дороге медленно и тихо проезжает мусорская тачка, словно акула. Подождав я выглядываю. Свободно! Несусь со всех ног через дорогу до деревьев. Едва спрятавшись за деревом вижу, что мусорская машина проезжает обратно. Ну всё, ищите в овраге, мудаки!

Я добираюсь до кладбища и присаживаюсь там на лавочку у могилки. Сижу минут пять, потом обретаю способность думать адекватно. Спрятать здесь

пистолет или нет? Если с ним возьмут, сразу всё ясно. А если без него – я оглядываю себя, и понимаю, что ни у кого не будет сомнений, что это именно я ломился от мусоров через сады-огороды. Лучше с ним – можно будет отстреляться. Может даже погибнуть в бою – это лучше, чем попасться в руки мусорам после того, как завалил одного из них.

И ещё я думаю, куда же теперь идти? Когда боишься появляться на какой-то улице – это одно, а когда это твоя улица, и ты не можешь попасть к себе домой – это по-моему хуже не бывает.

На кладбище сидеть – здорово, хоть всю ночь можно, но сейчас у меня такой прилив адреналина, что усидеть невозможно. К тому же весь промок до нитки, прохладно, и меня начинает трясти. Надо согреться хотя бы движением.

Всего я прошёл километра три. Через улицу деревенского типа, через небольшой район высоток, через оживлённую даже ночью дорогу напрягшись перебежал, через длинную улицу четырёхэтажных хрущёвок, где сбросил в контейнер окровавленный нож и пытался почистить одежду, но безуспешно, через гаражи, где встретил бродячих собак, но они были добрые, через подобный моему микрорайон панельных девятиэтажек. По дороге я придумал, к кому заявлюсь. Пусть уже за полночь, и я в таком виде, но соратники должны понять.

Я был у девушки Эйнхерия в гостях один раз, но место запомнил. Даже не помню, как её зовут. Странно конечно наносить такой визит девушке, но никто больше рядом не живёт. Звоню в домофон.

- Привет. Это Гангстер. Андрей у тебя?

- Да. Позвать?

- Открой лучше.

- Что случилось?

- Ну поднимусь – скажу!

Она открывает. Они с Эйнхерием явно вылезли из кровати, может быть занимались сексом. Увидев меня разинули рты.

- Блин, извините. В историю влип.

Я рассказываю им всё. От них можно ничего не таить, это проверенные соратники.

Мне говорят снять одежду и идти в душ. Выдают халат. Говорят, вон диван в зале, ложись, спи. Утром подумаем, что делать.

Я долго не засыпаю. Одно дело – кого-то убить, а другое – самому подвергаться опасности быть убитым, убежать, как загнанный зверь. Слишком часто я ощущаю дыхание смерти совсем рядом. После этого смотришь на свою жизнь совсем по другому. Это реально изменяет сознание, поднимаешься над материальным. Начинаешь мыслить так, как мыслят боги. И в результате понимаешь, что убивать – это нормально, это правильно и естественно в наше время. И убиваешь, и сознание изменяется ещё больше. Развиваешься, приближаешься к богам. Это голос Крови, которая становится сильнее.

* * *

Небо цвета набухшей гематомы, готовой лопнуть, от горизонта текут реки крови, размывая снег. Ты орёшь от ужаса, который выжигает твоё Я. И неожиданно ты понимаешь, что находишься в раю, спокойствие и уверенность накрывают тебя тёплой волной...

Проснулся.

* * *

В национал-социалистическом движении нашего времени порой возникают религиозные споры. В основном между язычниками и христианами. При этом среди язычников идёт спор родноверов и единистов, среди христиан – православных и старообрядцев. Также в НС движении встречаются атеисты, сатанисты и люди совсем уж экзотических убеждений. И многие готовы бить морды тем, кто не разделяет их религиозных взглядов. Ну как минимум обвиняют их в глупости. Всё это несколько напоминает историю с околофутболом, когда Русские парни увечат друг друга из-за цвета шарфа. Не пора ли здраво взглянуть на вопрос религии?

Вообще любая религия говорит о духовных ценностях в противовес материальным. Религия даёт нам представление об идеале, о том, как надо жить правильно. Это основано на признании факта наличия души, так как в случае её отсутствия было бы вообще всё равно как жить, не было бы смысла жить, не было бы человека разумного со всеми его стремлениями, переживаниями и борьбой. Душа противопоставляется материальному миру, она принадлежит другому, духовному миру. Душа вбирает в себя идеалы, которые явно не нужны просто материальному миру. Например, честь, справедливость. Чем шире и сильнее душа у человека, тем более близки ему эти понятия. А у жидов нет чести и справедливости, потому что нет души. Духовный мир – это мир Белых людей, мир идеалов. Если Белый человек хочет жить достойно, а не превратиться в животное, то он должен жить правильно, помнить про идеал. Для этого и существует религия, чтобы напоминать людям, как жить правильно. Богами называют тех, кто жил идеальным образом, на кого надо равняться. Вот в чём смысл.

Что у нас есть сегодня? Несколько основных религий, разбитых на сотни разнообразных сект. Не мудрено – со времён появления людей на земле прошло столько времени и столько событий, что истинное знание потерялось, забылось. Со злым умыслом, а порой и просто по недосмотру и глупости, первая религия была искажена до неузнаваемости, разбита на множество частей. Появлялись новые, придуманные людьми религии, смешивались религии разных рас. В результате люди деградировали.

Духовный мир конечно же не мог не реагировать на всё это. На земле появлялись люди высоких идеалов, провозглашавшие своё учение. Возможно, таким был Один. Возможно, таким был Христос, учение которого потом прибрали к рукам жиды, исказив и соединив с ветхим заветом. Идут столетия, и уже никто не может знать, кем на самом деле был Христос. Ведь та же библия

много раз переписывалась, а сколько появилось толкований! Чего уж говорить о гораздо более древнем язычестве!

Сегодня и язычество и христианство существуют в сильно искажённом виде, а может быть вообще имеют очень мало общего с изначальной своей формой. Родноверы, словно фетишисты, пляшут вокруг громадных деревянных членов, поют придуманные самоназванными волхвами песни. Христиане проповедуют пацифизм и жидовскую историю. Где же тут идеал Белого человека?

Идеал находят. Его находят прежде всего в себе, а не в религии. Герой Белой Расы Дмитрий Боровиков и его соратники придерживались язычества, в частности родноверия. Герой Никола Королёв «Пятьдесят пятый» и его соратники из «Спаса» - старообрядцы. Это лишь последние примеры, а сколько достойных Белых людей сражались за Расу ничуть не хуже кого-либо, при этом проповедуя совершенно разные религии! Они нашли истину не в религии, а прежде всего в своей Крови. Они также нашли ту идеологию, которая давала им ответы на все вопросы о духовном, давала им идеал, показывала, как надо жить. Это национал-социализм!

Национал-социализм универсален. Он сочетает в себе религию и методы решения проблем материального мира. По сути это новая религия, которую нам провозгласил Новый Бог Адольф Гитлер!

Когда люди уже совсем перестали понимать учение любого из предыдущих богов, кем бы он ни был, потеряли идеал духовности, погрязли в материальности, подошли слишком близко к крайней степени деградации, пришёл Адольф Гитлер. Своим примером он показал, как должен жить настоящий Ариец, показал Триумф Воли! Он совершил такие чудеса, какие и не снились Христу – воскресил не одного мертвеца, а целую Германию, поднял целый многомиллионный народ! Он прогремел на весь мир страшной войной, чтобы люди очнулись, увидели его идеал. Он показал, что и как надо делать. Он принёс в жертву часть Белого человечества, чтобы в дальнейшем спасти всё человечество, ведь если бы не война, люди других государств, в том числе и России, вероятно никогда не пришли бы к национал-социализму. Он принёс в жертву самого себя, чтобы спасти нас всех!

Национал-социализм – религия Белых людей, и нам уже не нужны умершие язычество и христианство. Сегодня лишь немногие поймут это. Быдло вообще никогда не поймёт наше движение, потому что в нашем движении участвуют посланники из другого мира.

Над временем и пространством, словно над болотом, кишущим паразитами, стоит войско. Крылатые воины подходят к краю пропасти и замирают на мгновение. Один шаг, но сколько мужества надо, чтобы решиться на него! Эти воины, которые без раздумий и без капли страха бросаются в бой с ужасными демонами, здесь останавливаются, чтобы вдохнуть воздуха полной грудью последний раз. Нет более серьёзного испытания, чем прожить жизнь в материальном мире. Оказавшись там, попав в тело зародыша в момент оплодотворения, сразу забываешь, кто ты и откуда. Будешь жить среди спящих людей, но однажды тебе обязательно представится шанс пробудиться, сами боги

приведут к этому. Хватит ли силы духа, чтобы сделать правильный выбор? У некоторых не хватает, потому что давление материального мира колоссально, они предпочитают жизнь обывателя и уже навсегда остаются там. Даже после физической смерти их души в ужасе мечутся во мгле, потом воплощаются в недочеловеков или животных. И лишь сильный духом откроет глаза и вступит в бескомпромиссную борьбу против системы. Он погибнет в бою и вернётся сюда как Герой, намного более сильный, готовый к новой борьбе. Всё это проносится в головах у воинов, стоящих над пропастью. Они оборачиваются в последний раз на Адольфа Гитлера, который салютует им правой рукой, и его вид даёт им уверенность в Победе. «Слава Победе!» говорят они и делают шаг вперёд. Материальный мир засасывает их, расщепляет их сознание, оставляя только душу.

Мигель Серрано прав! Демиург – вот наш враг. Не мог добра желающий сотворить мир ТАКИМ! Что хорошего ты в нём можешь найти? Тебе нравится гулять одному по лесам и полям, наслаждаться ландшафтами и синевой неба? Но это всего лишь потому, что ты наконец-то оторвался от социума, прикоснулся к более тотальному и вечному. Но и эти пейзажи покажутся мелочью и шелухой в сравнении с просторами и красотой мира души! Разве тебя не тяготит гравитация? Разве не отвращают сплошные пищевые цепочки, где все пожирают друг друга? Разве нет чувства абсурдности и бессмысленности этого мира?

Когда национал-социализм победит, все Арийцы станут Героями и выйдут из этого мира. У них будет достаточно сил, чтобы разрушить его и победить Демиурга. Они построят свой новый мир, и уже ничто не сможет повредить ему!

Будешь ли ты жить в нём – решается уже сегодня.

* * *

Вместе с начальником поехали в командировку в Москву решать вопросы с московскими коллегами из Корпорации, которые по сути являются нашими руководителями. Оттуда руководят корпоративной сетью по всей стране. Иногда возникают дела, которые по телефону не решишь.

Рано утром сели в поезд, начальник сразу залез на койку спать, а я все четыре часа смотрел в окно и радовался. Просто пейзажам, интересным постройкам, разнообразию, тому, что нахожусь не в офисе, который заебал. Я вообще очень люблю поезда и железные дороги. Постоял в тамбуре последнего вагона, смотрел на мелькающие и уходящие вдаль шпалы в заднее окошечко. Потом припёрлись курильщики, и я перешёл в вагон-ресторан, съел что-то, смотрел в окно. Туда припёрлись три мусора в форме и начали бухать водку, громко говорили о всякой хуйне. Я перешёл в свой вагон.

В Москве минут сорок ехали в метро, вышли, увидели Корпорацию издалека. Наша просто домиком дачным покажется на фоне этого небоскрёба! Этажей сорок ввысь, ширина невыебренная, а уж как вошли, вообще охуели от внутренних интерьеров. Ну хули, провинциалы... Поднялись на пятнадцатый этаж, я сразу к окну, оттуда вид охуеннейший, хочется сказать, что на пол-Москвы, но размера столицы я даже не представляю.

Состоялась встреча, где я едва ли пару фраз вставил, общались в основном представители с той стороны и мой начальник, я слушал и наматывал на ус. Я сразу просёк, что рядовой работник там – специалист уровня нашего начальника, начальник у них – уровня нашего директора, ну а тех, кто ещё выше, я и не видел. Так что мне было предпочтительней молчать, чтобы сойти за умного.

Обсудили вопросы, я снял копии с необходимых документов, пообедали, а тут уже и назад пора!

Ещё я обратил внимание, что наверное восемь из десяти там ходят без галстуков! Что это в Москве, мода такая теперь? У нас без галстука придёшь – тебе любой начальник выскажет, а если вдруг президенту на глаза попадётся – говорят, что увольнение гарантировано. А тут видать не настолько консервативные люди, хотя я раньше думал, что наоборот.

Меня вообще галстук очень заебал. Я до сих пор не научился его завязывать, да и не пытаюсь. Когда испачкаю борщом в столовке один галстук, иду и покупаю другой, который завязывает продавщица. Так у меня дома уже галстуков пять валяется, один с пятном, другой со съехавшим узлом, надо бы их в порядок привести, а всё руки не доходят. Вот и сейчас ношу галстук со скривившимся узлом, а как поправить – хуй знает. И не говорите мне, что настоящий мужчина должен уметь обращаться с галстуком – я всё равно буду считать, что это хуйня! Настоящий мужчина должен уметь обращаться с мечём! А галстук – он напоминает меч, только из тряпки. Вот она, сущность джентльмена – тряпка. Сущность настоящего мужчины – сталь. Я предпочитаю поло и нож под ремнём или пистолет. Но вот, приходится в костюме и при галстукке ходить...

Короче, удивился отсутствию галстуков у московских коллег. Хотя больше они ничем от наших не отличаются в плане человеческих качеств.

Поехали назад. Начальник взял в дорогу пива, выпил, гнал всякую хрень, надоед дышать перегаром в лицо во время своих монологов. Приехали в тот же день часов в одиннадцать вечера. Ничего так поездочка, хоть какое-то разнообразие...

* * *

Выхожу во время обеда из Корпорации, а у входа Викинг стоит, над чем-то прикалывается. Это тот парень, который камерами заведует, которые везде понатыканы. Единственный человек в Корпорации, с кем я могу общаться на вообще любые темы. В основном вполголоса рассказываем друг другу, какие акции произошли в последнее время. Викингу можно доверять, это такой же НС sХе боец, как и все мои друзья, как и я сам. Хотя я не часто его вижу в нашей тусовке, он общается с людьми, склонными к эзотерике и язычеству, мутят там ритуалы какие-то. Эйнхерий говорил, что не хуйнёй какой-нибудь занимаются, а исследуют Арийскую духовность и традиции берсеркеров, что сознание у них абсолютно освобождённое от влияния системы. Я и сам это замечаю, общаясь с Викингом. Он как будто и не работает в Корпорации. А впрочем чё ему: сидит перед сотней экранов, где все коридоры можно просматривать, ну сломается раз в

месяц где-то сигнализация – сходит, починит, а так всё книжки умные читает. О Корпорации отзывается как о «рассаднике жидовства». Он во многом прав конечно, но быть совершенно асоциальным типом – тоже есть свои минусы. Я лично впрягся в столь активную работу, рассчитывая использовать потом приобретённый опыт в борьбе против системы. А теперь уже не опыт приобретаю, а борюсь против того, чтобы система не поглотила меня.

Суть системы – загрузить своими правилами, чтобы не было времени думать о жизни. Работаешь с утра до ночи, так и превращаешься из Белого человека в работника корпорации. Обыватели же так и живут – все мысли только о работе, жратве, перед сном телевизор посмотреть, перепихнуться, в выходные пивка попить, на что-то другое просто времени нет. Поэтому-то наиболее активные участники нашего движения – в основном студенты, или те, кто отказывается от работы в пользу борьбы. Мы же доказываем, что можно и работать и бороться, лучше отказаться от телевизора и пива, которые для быдла.

Когда работа слишком уж напоминает систему, а систему ты люто ненавидишь, начинаешь ненавидеть и такую работу.

Ну и вот, стоит Викинг у входа и над чем-то прикалывается. Подхожу, здороваюсь.

- Смотри, – говорит. – Вон папочку кто-то оставил, охранники подойти боятся!

На бордюре лежит какая-то папка, в отдалении стоит охранник, нервно курит и косится на неё.

- Думает, что бомба, - говорит Викинг.

- Ну, - говорю, - это ж фигня! Ну нас уебёт конечно, стёкла выбьёт, а так чё – тут же не мешок!

- Зачем мешок? Если тротил, то и килограмма хватит, тут всю стену снесёт.

- Да ладно?!

- Да! Есть ваще сильные вещества!

- Это круто...

У меня неожиданно проносится в голове множество мыслей. Тут как раз Эйнхерий говорил, что будет возможность приобрести мощную взрывчатку, и я сказал, мол возьму обязательно, уже думал мечеть взорвать. Да на хуй мечеть, Корпорацию взорвать надо! Установить в туалете, выйти на обед, нажать кнопку... У меня в мыслях возникают картины обрушившегося здания, горя обывателей, шумихи вокруг теракта. Меня тоже будут допрашивать, как выжившего сотрудника, но я скажу, мол ничего не знаю, вышел на обед, взорвалось, я счастливчик!

Я потом долго радовался столь хорошей идее!

* * *

В отдел взяли ещё одну девушку. Явно из тех, чей идеал – бизнес-леди. Ездит на иномарке, носит модные шмотки, с одинаковой непринуждённостью рассуждает о мудрёных финансовых схемах и о гламурных вечеринках. Хвастается знакомствами с известными в городе людьми. Симпатичная.

Что касается жида, то работает он мощно. Мыслит крайне рационально и системно. Наглец тот ещё, добился симпатии начальника.

Остальные просто работают, по всей видимости не тяготясь, но и не испытывая особого энтузиазма.

Я устал. Просто заебался. Даже не столь напряжённостью работы, с этим я бы справился, сколь лицемерием и быдлостью сотрудников. Работать с такими людьми крайне неприятно.

Думаю о взрыве Корпорации.

* * *

Иду по коридору и вижу Викинга, который стоит на стремянке и что-то возится с камерой. Увидев меня он улыбается, я тоже рад его видеть.

- Чё, сломалась что ль? – спрашиваю.

- Да, барахлит чего-то, вон заменил тут кое-что.

- А чё, много камер в Корпорации?

- Да более сотни. Во всех коридорах, в некоторых кабинетах ещё скрытые есть – встроены в датчики движения.

- Охуеть! А в моём кабинете есть?

- Не помню, посмотреть надо. Вроде нет.

Тут мимо проходит наша новая гламурная девушка. Викинг провожает её взглядом и восхищается.

- Да ладно, – говорю. – Обывательщина крайней степени. В моём отделе работает, недавно вот устроилась.

- А где ты в наше время не обывательщину найдёшь? С одними малолетними неформалками что ли общаться? На каждую Правую девушку по десятку парней, сам знаешь.

- Да есть нормальные девушки. А эта – из тех, у кого в кумирах блядь собчак и подобные жида.

- Да я сразу это понял, - говорит Викинг. – Но перед нордическим воином типа меня она не устоит! Передавай ей привет!

Мы ржём, потом говорим о чём-то другом. Викинг сообщает о своём желании переехать в Москву.

- Этот город меня угнетает уже, – говорит. – В Москве движение, там о себе заявили реально очень сильные НС группировки. Оружия у них полно! У меня есть там связи, вот собираюсь к ним присоединиться.

Может и хорошая у него идея, но лично я пока собираюсь вести борьбу в своём городе.

* * *

Хачик открывает дверь. Видимо его не учили не открывать незнакомым людям. Я стреляю ему в голову, он падает, я дёргаю дверь на себя, врываюсь в квартиру. Из комнаты выбегает ещё один чурбан, лицо его искажается от страха при виде моего лица в маске, пистолета и трупа на полу. Вторую пулю получает

он. В комнате находятся чурбаниха и трое чурбанят. Всем по пуле. С лёгкостью и радостью.

* * *

Тусим с парнями в парке, с приходом осени место сбора перенесли сюда. Нам показалось, что на стадионе стало опасно. А здесь, ночью, при отсутствии фонарей, если не шуметь, то можно остаться вообще незамеченными.

Собираемся у лавочки, я, Ник, Камень, Эйнхерий, Шварц, Васян, Дизель, Шайба, Тихон, Фёдор, друг Фёдора в палевных шмотках, Журналист, и чел, которого не помню как зовут.

Обсуждают то, какой шум поднялся в СМИ из-за расстрела семьи чурбанов. Дизель говорит, что это наверняка Гангстер сделал. Я говорю, нет мол, это не я.

Потом я узнаю интересные факты. Оказывается с началом сезона охоты парни изьяли у пьяных охотников несколько ружей. В одном случае подбросили в водку клофелин, в другом зверски подрались, в третьем просто спиздили. Отлично, боевой арсенал пополняется!

- А что, - спрашиваю, - у нас-то сезон охоты круглый год?

Все выражают одобрение. Ну ладно, поговорили, теперь по улицам пройтись надо.

* * *

В Корпорации как-то вечером оказались в мужской компании. Девушки и жид ушли домой, в кабинете были я, начальник, Михалыч и зашёл парень из другого отдела – Денис.

Слышу, Михалыч говорит Денису:

- Вон Дима у нас сидит, молчит в основном, работает, только с клиентами разговаривает. Нет бы расслабился, поболтал с коллегами.

Я говорю:

- Да я вообще не понимаю, о чём они говорят!

И действительно, когда наши девушки начинают беседу, а они феминистки, хотя может и сами об этом не знают, и жид поддерживает разговор, просто уши сворачиваются. Темы всегда одни: где какой новый торговый центр открылся, где что можно купить и за сколько, каких известных людей они видели и с кем якобы даже знакомы. Разглядывают светские хроники в гляцевых журналах и обсуждают всех засветившихся там. В общем-то из журналов они только и знают этих людей. Иногда начинают обсуждать автомобили, вдаваясь в такие технические подробности, что я просто диву даюсь. Очевидно, тоже из журналов почерпнули, насколько они компетентны – не знаю. Обсуждают и другие традиционно мужские темы, включая даже прошедшие значимые матчи любых видов спорта. Здесь конечно Михалыч их постоянно поправляет, так как сами матчи они не смотрели, а лишь пересказывают чьи-то комментарии, но сам факт

очевиден: они стараются во всём сравняться с мужчинами. Но с мужчинами жидовскими, ибо феминизм идёт именно оттуда.

Ни одной ни то что духовной, но даже просто социальной или политической темы ни разу не поднималось. Только с Михалычем мы однажды обсудили социализм по пути из Корпорации домой, он как совковый чел имеет некую, хоть и мутную позицию по этому вопросу. Все остальные же напрочь поглощены материализмом и обывизмом. Магазины и кидание понтов – вот их темы.

Ирина как-то заявила, что хочет ребёнка. Да уж, в тридцать пора бы. В то же время купила машина, читает книгу о том, как сделать карьеру. Ну-ну, становись универсальной, самодостаточной, которой не нужен мужик. Откуда же ребёнок-то у неё возьмётся? Да в ней вообще нет ничего материнского! Вот пошлости говорить горазда, даже мужики себе такого на работе не позволяют. Да она проститутка по своей сущности, а не мать.

А что же мужики, начальники? Я тоже слышал их неформальные разговоры. Две темы: либо всякие экономические показатели, темпы роста, финансовые схемы и кто чего намутил в бизнесе, что нормальному человеку понять очень тяжело, либо кто в каком крутом кабаке сколько вискаря выжрал. Тоже ничего нормального.

Деловые люди – это зомби. Чем крупнее корпорация, в которой они работают, тем глубже они спят.

* * *

Ну пиздец! Ладно, без эмоций.

Прихожу в очередной раз в парк, а Дизель и говорит: а, Гангстер, счастливый как всегда, рад тебя видеть, ты меня какой-то позитивной энергией заряжаешь! Я удивляюсь, а он говорит, что я же всегда улыбаюсь! Я говорю, что просто их рад видеть.

Потом в Корпорации захожу в соседний отдел, и Денис говорит: а, Дмитрий как всегда счастливый! Говорит, мол я всегда улыбаюсь. Причём совершенно искренне.

Я, который с трудом справляется с депресняком, считаюсь самым счастливым. Я, полный ненависти, улыбаюсь. Что это, просто маскировка? Но ведь я улыбаюсь неосознанно. Не знаю...

* * *

Написал на листочке бумаги: «СЛОМАЙ!» Порвал его и выкинул в ведро.
СЛОМАЙ!

* * *

Это был день Корпорации. Для празднования сняли один из домов культуры, отвезли туда всех на арендованных автобусах и служебном транспорте.

Две тысячи человек сначала набились в один зал, выслушали поздравительную речь президента Корпорации, посмотрели, как награждают особо отличившихся сотрудников, потом разошлись по нескольким залам с накрытыми столами. Без меры ели и пили водку, обсуждали стандартные для себя темы. Я съел кой-чѐ, выпил сока, потом решил выйти на улицу, потому что из-за обилия народа в помещении стало дико душно.

Выхожу на крыльцо, а там сотрудники в сотню шей курят сигареты и сигары. Я отхожу от крыльца, просто прогуливаюсь. Вечереет. Смотрю – в соседнем ресторане другая корпорация гуляет, наши конкуренты. Тоже на крыльце курят, на нас косятся.

У меня, кстати, настроение отнюдь не праздничное, вспылал ненавистью к быдлу, уже подумываю валить отсюда, лучше в парке с парнями затусить.

И вот проходят мимо меня трое из конкурирующей корпорации, а один из них – молодой слащавый жид, который ухмыляясь заявляет своим друзьям, что в нашей Корпорации одни лохи работают. И они ржут над этим.

Я воспринял это как личное оскорбление. Кулак как кирпич – и я выбиваю этому жида зубы. Другие двое орут и лягают меня. Я бью кулаками, пинаю, драка идёт нормальная. И чувствую, забил бы я их, а тут с обеих сторон на подмогу уже люди несутся, орут: «Наших бьют!»

Первым подбегает Денис из соседнего отдела, который занимается боксом, и одним ударом валит кого-то на асфальт. А вон и пьяный Михалыч, раскрасневшийся Серѐга, скинувший на ходу пиджак Евгений – не вникая в суть происходящего пара десятков сотрудников бросается в драку. Кто-то кричит: «За Корпорацию!» С той стороны тоже бегут, прямо из ресторана толпой. Бабы визг подняли.

Я бьюсь чисто кулаками, хотя в кармане лежит опасная бритва. Здесь криминал не нужен. Свалив очередного противника я оглядываюсь и охуеваю от зрелища бьющихся клерков. Шей по тридцать с каждой стороны, в рваных окровавленных рубашках, у одного вон из глаза металлическая ручка торчит, бутылка разбивается об чью-то голову, один другого душит галстуком, по голове валяющегося пинают каблуками лакированных ботинок. Чувства радости и глубокого удовлетворения переполняют меня. Система Корпорации со своими строгими нормами поведения очень долго сдерживала энергию работников, направляя её в рабочее русло, но вот теперь, выпив водки, они сорвались и выпускают пар. Я спровоцировал их сам того не желая, дал им возможность отстоять честь Корпорации, избить конкурентов, реализовать сидящие глубоко в подсознании желания, которые Корпорация сама им привила, но на такое она не рассчитывала.

Нас растаскивают подоспевшие мусора. Некоторых сразу загребают, особо агрессивным дают дубинкой по почкам. Я вижу, что в драке участвовали те, кто и работает наиболее инициативно и энергично, а лохи нерешительные стояли в сторонке и глазели.

Меня не загребли, потому что во время отошёл в сторону. Привык уносить ноги, когда надо. Но многие видели, что зачинщиком был я, и в понедельник я предстал перед советом директоров.

Я говорил им, что отстаивал честь Корпорации, что так должен был поступить любой настоящий мужчина. Но директорам не понятно слово «честь», они говорят о подмоченной репутации. Инцидент был освещён во всех местных СМИ. Что клиенты подумают?

Меня уволили.

* * *

Собрались в парке с парнями. Я живописно рассказал про битву клерков, вызвав бурю восторга. Мы решили отметить моё увольнение. Совершенно трезвым образом – жизнь и так слишком насыщена, чтобы что-то употреблять. Наш наркотик – адреналин, наше изменение сознания достигается убийством. Некоторые парни отлучились, чтобы достать из тайников своё оружие. Всего сегодня человек десять, но может ещё подойдут.

Я общаюсь с Танком, давно его не видел. У него в кармане негромко играет с плеера Сокира Перуна, так что слышно только в пределах нашего кружка. Альбом «Очи, Полные Гнева», наверное слушает из ностальгии, как и я «Национальную Революцию».

Танк рассказывает, как работает менеджером по продажам в нефтяной фирме. Не ожидал я от него такого, думал, что он раздолбай тот ещё! А он ещё и книги читать успевает, больше меня прочитал! Хотя в последние полгода, пока я работал в Корпорации, я вообще ничего не читал, просто времени не было.

Ночь, вся банда в сборе. В это время ночные клубы уже битком всякими недочеловеками. Туда-то мы и идём.

Типичный ночной клуб – расовая клоака. Нигеры, чурбаны и арабы кучкуются, снимают белых девок, которые по сути – бляди. Русских там – от силы половина, да и те все дегенераты и наркоманы. Стиль r'n'b по-прежнему популярен среди них, что указывает на абсолютное жидовство. Цунарефские банды держат всех в страхе, в клубах они считают себя хозяевами. Нигеры уверены, что все девушки от них без ума, беззастенчиво лапают их.

Подходим к одному из клубов. У входа тусят какие-то люди. Я вижу, что в стороне происходит небольшая словесная разборка между белыми и нигерами. Поодаль от них стоит симпатичная блондинка, курит и наблюдает за ними.

- Что там происходит? – спрашиваю я у неё с видом праздного любопытства.

- Это из-за меня! – говорит она довольно. – Я хочу, чтобы они из-за меня подрались!

- Драться они не будут, сразу видно, – говорю. – Это же чмыри!

Она недовольно отворачивается от меня.

- Их всех убьют сейчас, - говорю.

- Кто? – спрашивает она.

- А вон те парни, - я показываю на своих друзей, которые со стороны выглядят очень серьёзно.

Но девка явно тупая. Она говорит:

- Не верю.

- А ты чё, сука, с нигерами общаешься? – спрашиваю.

- Что?

- Ты чё, сука с нигерами общаешься? – повторяю я.

- Да пошёл ты, урод! – говорит она.

Я бью кулаком. Блондинка элегантно сплюнула зубки. Это было сигналом к началу атаки. «Огонь!»

Пока одни кромсают чёрное мясо ножами на улице, мы заходим в клуб натянув маски. Быкам охранникам по пуле. Из четырёх пистолетов палим по мечущимся в панике недочеловекам, чьи тела мелькают в разноцветных вспышках. Музыка продолжается.

Нигеры, чурбаны, белые дегенераты и бляди – все сейчас равны, все ловят пули. Шайба стреляет из обреза картечью. Ник кидает туда открытый баллон с газом. Ди-джей отлетает с пробитым грудом после выстрела из помпового ружья. Кто-то обезумев бежит на нас и насаживается на мачете.

Одна минута, и мы уходим. Позади гора трупов, агонизирующих и задыхающихся тел, скользящих в крови. Там ужас и боль.

Нормальные люди отказываются от r'n'b.

* * *

Приснился Дмитрий Боровиков. Я стоял рядом с ним. Были и ещё какие-то люди. Когда они встречались взглядом с Димой, то сходили с ума. Его волшебные глаза глубокой синевы васильков излучали бесконечную мощь другого мира. Я хотел, чтобы он посмотрел на меня, но этого не случилось.

Когда я проснулся, то понял, что это были глаза Адольфа Гитлера.

* * *

Сижу дома, рядом брат. Вдруг звонок в дверь. Я открываю первую дверь, смотрю в глазок и вижу мусоров. Тащу брата к двери. Он спрашивает, кто там. Говорят: откройте, милиция. Брат: а в чём дело? Они называют мои фамилию и имя, мол за мной пришли.

Я уже в своей комнате кидаю в рюкзак пару шмоток, конверт со своими деньгами. Компакт-диски и журналы Правой направленности придётся оставить, в конце концов это ещё не обозначает, что ты кого-то убил. Пистолет за пояс.

Брат в это время действует по заранее обговорённому на подобный случай плану. Он говорит мусорам что меня нет, но они всё равно требуют открыть, и он говорит, скажите мол, по какому телефону позвонить, чтобы убедиться, что вы действительно из милиции, а так он не откроет. Ему говорят номер. Он первым делом бежит к компьютеру, который к счастью включен, и запускает особую программу, которая удаляет все занесённые в список провокационные файлы. Затем звонит по названному телефону и убеждается, что действительно, надо открыть.

За это время я, переодевшись в уличные шмотки, иду на балкон, выходящий на другую сторону от подъезда. Там вообще нет дороги, только

тропка, на которой никого нет. Но третий этаж. Я перелезаю на балкон соседей и сижу там, сжимая в руке пистолет. Брат закрывает за мной балконную дверь и открывает входную.

Я сижу в крайнем напряжении. Знаю, что все мои вещи сейчас перерывают. Не забыл ли я чего слишком палевого? И как бы соседи на балкон не вышли!

Проходит более часа. Я слышу, что на наш балкон кто-то выходит. Закуривает. Кашляет. Я узнаю кашель брата. Ну всё ясно: брат не курит и никогда не курил, а сейчас он даёт этим мне понять, что в квартиру возвращаться нельзя – там засада. У нас именно для такого случая валялась пачка на балконе. Потом он громко харкает вниз, это обозначает, что внизу он наблюдения не заметил. И под конец забрасывает мне на балкон верёвку с крюком, бросает сигарету вниз и уходит с балкона.

С помощью верёвки я спускаюсь и сразу перебегаю в овраг. Бегу почти по тому же пути, что и тогда, когда убил мусора. Ну всё, прощай, брат, прощай, моя квартира.

Немного подумав я решаю дойти до отдалённой автостанции и уехать на дачу.

* * *

Уже четвёртый день живу в дачном доме. В октябре здесь почти никого уже нет, дачные домики стоят вперемешку с деревенскими, в которых живут в основном старики и старухи. Более крупная деревня, где много народу, находится рядом. На всякий случай я днём вообще не высовываю носа из дома. Протапливаю дом ночью, чтобы не было видно дыма, и сижу не включая света.

Вряд ли мусора догадаются, что я уехал на восемьдесят километров от города, но я всё равно не могу расслабиться. К тому же не надо, чтобы кто-то из местных даже заподозрил, что я здесь. По телевизору, который здесь ловит три канала, я видел сюжет о нашей группировке. Задержаны Камень, Васян и Серёга «Гопник». Находятся в розыске Ник, Эйнхерий, Шварц и я. Про других парней ничего не сказано, может они пока не попали в поле зрения органов. Как на нас вышли – вообще не понятно. Может быть выследили после нападения на клуб, которое однозначно приписывают нам. «По кличке Гангстер. Вооружён и особо опасен». И моя фотография на экране.

Сначала я просто сидел в доме на депресняке, не мог собраться с мыслями. Ночами сидел в темноте среди шумов: ливень на улице, на кухне протекает крыша, капая в подставленные вёдра, трещат дрова в печи, в подполе скребутся мыши, тикают часы. Мне постоянно кажется, что под окнами кто-то ходит, и я прислушиваюсь. Пистолет лежит рядом на старом диване. Засыпаю только к утру.

Днём разминаюсь, отжимаюсь. Ем невкусную еду, которую готовлю сам – продукты купил ещё в городе перед тем, как ехать сюда. Читаю единственную оказавшуюся здесь хорошую книгу: «Миф XX века» Розенберга. Некоторые фрагменты мне настолько понравились, что я переписал их на лист бумаги. Вот они:

«Лучше пожертвовать жизнью, чем потерять честь: потерю жизни чувствуют в течение одного момента, потерю чести – день за днём, - говорит народная пословица».

«Идею свободы нельзя представить в отрыве от чести, а идею чести – в отрыве от свободы».

«...оно видит в борце против «государства», который страдая за свой народ и свою честь, отправляется в тюрьму, на каторгу, не преступника, а аристократа».

«Способность пожертвовать своей жизнью ради идеи исландские саги рассматривают как сущность нордического мужчины».

«Человек, который не признаёт народность и учение о народе как высшую ценность, лишает себя права быть защищаемым этим народом. То что за предательство по отношению к народу и к стране следует каторжная тюрьма или смертная казнь, разумеется само собой».

«Истинно германский государственный деятель и мыслитель подойдёт поэтому к религиозно-церковному вопросу с другой точки зрения. Он предоставит беспрепятственно место любому религиозному убеждению, позволит свободно проповедовать нравственные учения разных форм при условии, что все они не будут стоять на пути национального учения, т.е. будут укреплять волевые духовные центры».

«И если сегодня негритянский народ ещё не представляет мощной силы, то миф крови уже разбужен и здесь. Его сила через 50 лет чудовищно вырастет. До этого нордический человек должен предусмотрительно позаботиться о том, чтобы в его государствах больше не было негров, жёлтых, мулатов, евреев».

Последняя цитата показалась мне просто пророчеством. Прошли пятьдесят лет и нигеры заявили о себе, свою культуру распространяют, рэперы гавкают песни про «мочи белых», а белые косят под нигеров. А в Европе что происходит! В некоторых странах нигеров уже больше чем белых! Вот, не позаботились вовремя, теперь страдаете!

Розенберг был умнейшим человеком, книга просто сверхинтересная, но дуракам её не понять. Чтение этой книги дало мне уверенности в своих силах, возобновило желание продолжать борьбу.

Незаметно выбравшись из дома я посетил колообразное поле, о чём я говорил в начале своего рассказа. Именно там, где на километры вокруг нет никого, я ощутил вполне СВОБОДУ. Один американский Белый расист сказал, что свобода – это когда никто не знает, где ты находишься, а понять это может только тот, кто услышав звонок в дверь не знает, соседка там стоит или группа захвата.

Здесь я сказал себе: **«Я ВЫБИРАЮ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ! Я ВЫБИРАЮ НЕ ОБРАЗ ЖИЗНИ, А ЖИЗНЬ!»**

Теперь я по настоящему свободен! Я вышел из системы, я вне закона. Я забыл даже про родителей, ведь я знаю, что им сейчас жалко только свою репутацию, но не меня. Отношения детей и родителей со всеми обязанностями – это тоже часть системы. По достижению восемнадцати лет человек должен

приложить все усилия, чтобы уйти от родителей. Сильный выживет, а слабый так и останется маменькиным сыночком, он не решится уйти.

Надо продолжать борьбу! Ещё поживу здесь пару дней, приведу себя в полный порядок и вернусь в город. Там надо найти других парней. Например, Ника наверняка можно найти через Боба. А Боб точно не засветился, даже номер его телефона из нашей компании знали только Ник и я, да и то никогда не созванивались. Вообще мы старались не пользоваться телефонами.

А дальше что? Начнём террор. Эйнхерий возможно уже добыл взрывчатку. Пусть обыватели содрогнутся от близости смерти, пусть задумаются: ЗАЧЕМ? Пусть спросят: В ЧЁМ СМЫСЛ? Может быть тогда они начнут пробуждаться.

И тогда я напишу книгу. Я давно чувствую в себе какой-то творческий потенциал и хочу написать книгу. Это будет настоящее искусство, искреннее, честное. Я назову книгу «Бомба». Подзаголовок «Сознательная провокация». В начале будут реальные статьи о теракте со ссылками на первоисточники. Потом описание того, как мы это сделали. И в конце – одухотворённое объяснение того, почему это было сделано.

Ещё можно использовать опыт работы в Корпорации. Например, создать свою фирму, куда брать только соратников. Наряду с легальными мутить и теневые схемы. Например, уходить от налогов, отмывать награбленные деньги, финансировать терроризм – это всё просто святые дела в нашем государстве, если делаются во благо НС.

Да, сейчас можно и помечтать. Скоро будет не до этого. Скоро будет только действие. Направленное на разрушение системы, вплоть до полной победы!

Мне страстно хочется уничтожить систему. Я говорю:
СМЕРТЬ СИСТЕМЕ!

HC

88!

WP

14!

sXe

Общечеловеческие книги в огонь!

dmitriyhonor@rambler.ru

пишите, но не удивляйтесь, если ответ придёт через месяц или более – в сети почти не бываю